A. Machitsky. — A la guerre.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

А. Машицкій.

НА ВОЙНУ!

Изданіе „Искры"

Цѣна 60 сант.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27. Genève.
1905.

225371

I.

Утро ранняго весенняго дня еще далеко не успѣло вступить въ свои права, а казарма N батальона давно зажила своею жизнью. „Убравшись“ по всѣмъ правиламъ военной муштровки, принявъ „бравый“ видъ, солдаты болѣе часа стояли въ 2-хъ шеренгахъ подъ ружьемъ и ждали офицера, который долженъ былъ вывести ихъ на военный плацъ, съ тѣмъ, чтобы дать сраженіе „японцамъ“. Они успѣли продѣлать цѣлый рядъ ружейныхъ пріемовъ, „выстоять на прицѣлѣ“ и теперь по командѣ фельдфебеля, вдругъ куда-то исчезнувшаго съ ихъ глазъ, стояли „вольно“ и вяло перебрасывались словами.

— Запоздалъ что то,—говорили солдаты посматривая на окна, на стеклахъ которыхъ заиграли первые лучи солнца.

— Покурить бы, — вздыхали запасные курильщики и, боясь взяться за ножку, брали въ ротъ щепотки табаку.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ, какъ вдругъ тяжелая дверь казармы съ шумомъ растворилась и на порогѣ ея показался какой-то офицеръ.

— Смирно! На плечо! — тотчасъ же раздалась команда старшаго унтеръ-офицера Фроленко, и солдаты, въ моментъ исполнивъ оба приказанія, застыли въ однѣхъ позахъ и постарались придать своимъ лицамъ „свирѣпое“ выраженіе.

— Гдѣ фельдфебель, — прокричалъ вошедшій офицеръ, поручикъ Кабацовъ, и, не поздоровавшись съ солдатами, прошелъ по фронту.

— Не могу знать, ваше благородіе, — подлетѣлъ къ нему дневальный по ротѣ, рядовой Кузьменко.

— Молчать морда! Скотина! Давай его сюда,—вѣчно находясь въ крайне раздраженномъ состояніи вдругъ вскипѣлъ Кабацовъ и, плюнувъ въ лицо Кузьменко, попалъ ему на грудь и брезгливо отвернулся.

Кузьменко крайне добродушный хохолъ, природную неподвижность котораго и военной муштровкой неудалось расшевелить, совсѣмъ растерялся.

— Собака треклятая, — не трогаясь съ мѣста, таращилъ онъ глаза на офицера.

— Да поворачивайся же проклятая хохлятина! Ты что же это, барабанная шкура, шутишь со мною! Живѣй — почему то сегодня особенно сердился поручикъ. Онъ ударилъ его, хотѣлъ еще разъ сдѣлать тоже самое, но сдержался.

— Нѣтъ, надо серьезно бросить драться, — мелькнула въ головѣ поручика мысль, послѣ того, какъ съ его глазъ исчезъ Кузьменко, — война... все можетъ случиться... но не ругаться ужъ нельзя... смотри на эти морды, — раздумывалъ онъ, снова проходя предъ фронтомъ, — чѣмъ ихъ скотовъ пронять, — и Кабацовъ совсѣмъ по солдатски „сплюнулъ“ и, пославъ по адресу всѣхъ крѣпкую русскую ругань, приказалъ кому нибудь скорѣе привесть фельдфебеля.

Фельдфебель Федотовъ, сверхсрочный солдатъ, дослуживалъ 25-й годъ солдатской лямки и былъ заправилой всѣхъ дѣлъ не только той роты, на счету которой числился, но и всего батальона. О немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

На десятый годъ службы Федотовъ попалъ въ юнкерское училище и, какъ ни заманчиво было ему выйти оттуда съ офицерскими погонами, но онъ испугался такого привиллегированнаго положенія — въ немъ заговорилъ мужикъ, въ душѣ ненавидѣвшій барство. Понимая, что онъ никогда не сможетъ сдѣлаться „бариномъ“, Федотовъ отчислился изъ старшаго класса и перешелъ въ полкъ. Онъ упросилъ командира оставить его фельдфебелемъ, понимая, что въ этомъ званіи ему предстоитъ большій почетъ и честь. Подобный поступокъ сразу произвелъ между солдатами и офицерами сенсацію. Хотя офицера и перестали объ этомъ скоро говорить, но имъ импонировала, чувствуемая въ Федотовѣ, какая то сила, а солдаты, въ отказѣ его отъ офицерства, увидѣли своего брата. И надо отдать справедливость. Федотовъ, изъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, былъ единственнымъ человѣкомъ, кто близко принималъ къ сердцу всѣ интересы солдатъ. Онъ дѣлалъ все, чтобы его „хлопцы“ были сыты, обуты и всячески оберегалъ ихъ отъ всякаго рода обирательствъ и терпѣть не могъ, когда солдатъ бьютъ и самъ этого никогда не дѣлалъ. Солдаты Федотова очень любили и считали его своимъ роднымъ отцомъ; офицера стѣснялись предъ нимъ драться и хотя они „плевали“ на него, но относились къ нему съ уваженіемъ и обыкновенно сдавали на его руки всѣ роты. Федотовъ же не только презиралъ всѣхъ господъ, надѣвшихъ на себя офицерскій мундиръ, но онъ усво-

илъ ко всѣмъ офицерамъ особую манеру, доводившую нѣкоторыхъ изъ нихъ до „чертиковъ“. Къ числу такихъ лицъ, совершенно не выносившихъ Федотова, принадлежалъ Кабацовъ.

Не обращая никакого вниманія на продолжавшихъ стоять, вытянувшихся въ одну струнку, солдатъ, Кабацовъ выкурилъ одну за другою двѣ папиросы и задумался о томъ, какимъ образомъ „шельмѣ Федотову“ удалось взять всѣхъ въ свои руки.

— Наконецъ то! И чего такъ долго, чертъ знаетъ что такое,—воскликнулъ и спросилъ онъ, увидя фельдфебеля, крайне недовольнымъ и требовательнымъ тономъ. Федотовъ по своему обыкновенію не обратилъ на это никакого вниманія а, на минуту прикоснувшись къ козырьку, спросилъ:

— Что прикажете? — не сдѣлавъ при этомъ такого необходимаго добавленія, какъ „ваше благородіе“.

Кабацова каждый разъ при такомъ „неуваженіи“ передергивало, но онъ всегда сдерживался просто потому, что „такъ“ какимъ то образомъ установилось. Сдержался онъ и на этотъ разъ, но мысленно выругавшись, сдѣлалъ сообщеніе, ради котораго онъ явился.

Сообщеніе состояло въ томъ, что на сегодняшній день ученіе отмѣняется, что ихъ батальонъ будетъ составленъ по военному времени, призванными на службу запасными, и что въ самомъ непродолжительномъ времени предстоитъ передвиженіе въ губернскій городъ, гдѣ составляется ихъ дивизія.

Солдаты знали, что война уже давно начата и что на поля сраженія стягиваются войска изъ всѣхъ мѣстъ Россіи. Много всякаго рода толковъ ходило между ними по поводу войны, но никому изъ нихъ до послѣдняго момента не хотѣлось вѣрить, что и ихъ не минетъ „чаша сія“.

Послѣ ухода Кабацова, солдаты по командѣ фельдфебеля составили ружья, сняли амуницію и какъ только принялись за работу, по подготовленію казармы къ пріему запасныхъ, между ними, по поводу предстоящаго похода, начался тотчасъ же разговоръ, хотя и быстро прекратившійся, но принявшій довольно своеобразный характеръ. Первымъ, кто отозвался на событія дня, былъ Отчаянный.

Это былъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ и общительныхъ людей 1-й роты. Первый годъ своей службы онъ стойко тянулъ лямку, но на слѣдующій затосковалъ, а затѣмъ сталъ пьянствовать и грубить. За

какую то пустую провинность его перевели въ разрядъ штрафованныхъ. Получивъ такое „повышеніе“ по службѣ, онъ за какую то новую провинность долженъ былъ быть наказанъ розгами. Наказанія онъ не дождался, а бѣжалъ и унесъ казенныя вещи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его поймали, судили и приговорили къ дисциплинарному батальону и къ 50 ударамъ розги. Во время „дисциплины“ онъ нѣсколько разъ былъ высѣченъ и нѣсколько десятковъ разъ сидѣлъ въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ. Кончивъ срокъ наказанія, онъ возвратился въ свой баталіонъ. До „дисциплины“ онъ всѣми назывался Дубенко, а тамъ его прозвали за частые проступки „Отчаяннымъ“ и эта кличка перешла съ нимъ и въ роту и многіе такъ и не знали, что это его прозваніе.

— Вотъ те хфунтъ, — не давъ заглохнуть шагамъ вышедшаго Кабацова, громко заговорилъ Отчаянный. — Значитъ того... на убой...

— Бери, подымай... ну, вотъ такъ, — отвѣтилъ ему Петренко, молодой его товарищъ, начавшій только первый годъ своей лямки.

Петренко всѣ въ ротѣ звали по имени — Панасомъ — что къ нему очень шло. Молодой, съ лица котораго еще не успѣлъ сойти загаръ юга, съ чуть пробивающимися усиками, былъ очень юнъ. Дисциплина еще не успѣла наложить на него печати казарменной грубости и пошлости, и болѣе чуткіе изъ солдатъ безсознательно берегли его.

Онъ и Отчаянный устанавливали вмѣстѣ съ другими солдатами койки къ одной стѣнѣ, а у освобожденной въ это же время устраивались для запасныхъ общія нары.

Панасу тоже хотѣлось поговорить по поводу предстоящаго похода и участія въ войнѣ. На родинѣ у него осталась старуха мать, отецъ и младшіе братья и сестры. А главное онъ оставлялъ зазнобу, голубоглазую Галю, которая, какъ онъ понималъ, врядъ ли теперь станетъ его ждать. Крѣпко заныло у него подъ сердцемъ при первыхъ словахъ Отчаяннаго, и, еле удерживаясь отъ слезъ, Панасъ отрѣзалъ Отчаянному.

— Чего „вотъ такъ“, — отгрызнулся Отчаянный. — Слышь на войну!... Тутъ, братуха Панасъ, шабашъ волюшкѣ, — перемѣнилъ онъ вдругъ тонъ на болѣе мягкій, чувствуя сегодня къ нему большую нѣжность.—Когда вернешься оттедова... фью... можетъ черезъ годовъ пять, а то...

Но его прервалъ Иванчукъ, сосѣдъ ихъ по работѣ,

которому оставалось до запасу всего нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ мечталъ выйти въ запасъ и сейчасъ же жениться на Марфѣ, кухаркѣ своего ротнаго командира. Онъ научился за время службы тачать сапоги и теперь мечталъ открыть сапожную лавку.

— Вернешься... держи карманъ шире... костьми ляжемъ тамъ. Японія... дальше самого Китая... пока доберешься... половина переколѣетъ, а тамъ, небось знаешь, сколько нашего народу уже перебито... Эхма, жизнь наша каторжная, одно слово, и, — уставъ отъ такой длинной тирады, Иванчукъ громко на всю казарму выругался.

— Оно, конечно, каторжная... да что подѣлаешь...— заговорилъ кто-то ему въ тонъ, но...

— Чего тамъ но... не но... приказано, значитъ шабашъ, а ты разсуждать, эхъ вы... японскія будды, — откуда то взялъ это слово Васильевъ. Онъ выдержалъ экзаменъ на унтера, ждалъ производства и считался однимъ изъ самыхъ исполнительныхъ и рачительныхъ по службѣ солдатъ и, какъ таковой, старался казаться очень строгимъ и всезнающимъ.

Солдаты замолчали. Кто вздохнулъ, мыслью на вѣки прощаясь со своими родными, съ деревней, съ полемъ, кто подумалъ, что это лишній крестъ, который надо нести до могилы, кто, стараясь ослабить непріятное впечатлѣніе, замечталъ на тему увидѣть новыя земли и новыхъ людей. Но не было никого, кто видѣлъ бы въ необходимости идти сражаться долгъ предъ царемъ и отечествомъ. Шли на войну, потому что дисциплина силой кулака вбила въ сознаніе людей необходимость безпрекословно подчиняться всѣмъ велѣніямъ начальства. И хотя между солдатами были такіе пытливые и смѣлые люди, умъ которыхъ нельзя было затуманить „правилами и положеніями словесности“, но надо было ждать подходящаго момента, чтобы они ставили вопросы и требовали ихъ разрѣшеній. До прихода же запасныхъ такого подходящаго момента не оказывалось...

За долго до ужина нары были разостланы во всю длину противоположной отъ коекъ стѣны. Отъ сѣна, которымъ онѣ были устланы, запахло деревенскимъ запахомъ и свѣжестью. А запасныхъ все не было. Кое кто изъ солдатъ, въ ожиданіи ихъ, толпился у оконъ, другіе валялись на сѣнѣ и боролись другъ съ другомъ, изображая „японца и русскаго“ въ зависимости отъ того, кто былъ на верху, третьи грѣлись у печи.

Начался было, въ случайно составившейся кучкѣ, разговоръ о томъ, что за страна такая Японія, но пришлось его прекратить просто потому, что не было никого, кто кромѣ одного названія зналъ бы что нибудь о ней. Офицерамъ же не приходило въ голову заняться съ солдатами по этому вопросу и, пользуясь свободой до дня похода, они пьянствовали и кутили на деньги, полученныя ими авансомъ за военное время.

Такъ дѣло дотянулось до самаго ужина и только за нѣсколько минутъ до него во дворѣ казармы раздались шумъ и движеніе.

Пришли давно жданные запасные. Ихъ почему то задержали въ полковой канцеляріи. Они появились уже переряженными. Въ шинеляхъ, съ винтовками, съ сумками, съ набитыми въ нихъ кое-какимъ бѣльемъ и скарбомъ, запасные внесли струю оживленія и того духа, который является самымъ опаснымъ въ дѣлѣ критики всей военной спайки,

— А, вояки, здорово! Наше вашимъ! Почтеніе землякамъ, — заговорили они на разные голоса, внося съ собою шумъ и непринужденность. Бородатые, многіе съ морщинами, съ рѣзкими поперечными линіями по серединѣ лба, запасные рѣзко выдѣлялись въ казарменной сѣрой обстановкѣ. Наскоро же выданные имъ мундиры и шинели внесли на нихъ мѣшками, тѣмъ сильнѣе обрисовывая ихъ мужицкія фигуры, отвыкшія держаться по солдатски.

Привѣтствіе вновь пришедшихъ было встрѣчено почти полнымъ молчаніемъ. И знакомство завязалось между запасными и дѣйствительными послѣ повѣрки, особенно послѣ того какъ на сцену появилась Марья Павловна.[1]) Появленіе подобной „госпожи“, живо развязывающей языки, допускалось въ казармѣ статутомъ, выработаннымъ унтерами, а санкціонировался онъ фельдфебелемъ Федотовымъ.

— Вотъ такъ то, землячки, — говорилъ Усенко, запасной лѣтъ 38 солдатъ. Послѣ этихъ словъ, онъ схватилъ стаканчикъ и опрокинулъ его въ „пасть“, „Землячки“, успѣвшіе разоблачиться до послѣдней, какъ говорятъ, рубахи, сидѣли тѣснымъ кольцомъ на нарахъ около большого ротнаго чайника, потягивали изъ трубочекъ „чертово зелье“ и съ завистью смотрѣли какъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на югѣ Россіи водку, продаваемую въ монополіи, называютъ въ народѣ этимъ именемъ, намекая на какую то царскую особу.

Усенко ловко „хлопаетъ“ и не хмелѣетъ. Всѣмъ ходомъ угощенія заправлялъ самъ Усенко съ кое кѣмъ изъ своихъ товарищей по запасу. Они вспрыскивали свое новое вступленіе на службу. Выпивъ рюмку, Усенко крякнулъ, вытеръ чуть посеребрившіеся усы и обвелъ всѣхъ глазами.

— Да, землячки, — началъ онъ, прервавшійся, было разговоръ, — пришлось бросить... ничего не подѣлаешь. Жинка моя, эхъ баба еще... вся въ соку... старикъ нашъ хворый... все на печи отлеживается... а дѣтишекъ то у меня шесть... тутъ какъ хошь. Старшему, Федькѣ значитъ, десятый, а младшему... Сенькѣ... и подлецъ же парень, скажу я вамъ... полъ года.,. Что бабѣ дѣлать, кто хозяйство будетъ вести, а?...—и онъ обвелъ всѣхъ недоумѣвающими глазами. Не получивъ ни отъ кого отвѣта, онъ приподнялъ чайникъ за ручку и, повидимому, успокоился, убѣдившись, что въ немъ еще есть на нѣсколько „зарядовъ“.

— Г. старшой, — обратился онъ къ начальнику взвода Фроленко, подъ команду котораго попалъ,— прикажите раздавить... не грѣхъ вѣдь.

— Штошъ... дѣло солдатское... колдыбахнемъ,—проговорилъ Фроленко и повернулся на мѣстѣ не то отъ удовольствія, не то отъ нетерпѣнія.

— Ну, честная кампанія, штожъ вы... разливай, братъ, — обратился Усенко къ Отчаянному, — а то тошно. — Отчаянный не заставилъ себя долго ждать. Онъ схватилъ чайникъ обѣими руками, сталъ на колѣни и принялся за дѣло.

— Ишь какъ... буль... буль.., буль, — стараясь передать звукъ, выливающейся влаги, замѣтилъ Кузьменко. Онъ сдалъ свое дневальство, лежалъ теперь на „брюхѣ“, и, просунувъ голову въ середину компаніи, болталъ въ воздухѣ голыми ногами, съ съѣхавшимися до самыхъ колѣнъ подштаниками.

— Оно тошно... булькаетъ, — по дѣтски смотря на свой стаканчикъ, надъ которымъ въ это время трудился Отчаянный, повторилъ за нимъ Панасъ и затѣмъ приподнесъ его ко рту. Онъ сидѣлъ, упираясь колѣнями въ подбородокъ и прикрытую ими грудь, густо вышитой его Галей, малороссійской рубахой, одѣтой имъ только сегодня къ вечеру въ первый разъ за время службы. Сберечь ее до запасу, какъ объ этомъ думалъ онъ раньше, теперь не было смысла.

— Стой, не спѣши, давай вмѣстяхъ... для куражу,— замѣтивъ движеніе его руки, остановилъ его Усенко.

Покорно положивъ свой стаканчикъ, Панасъ глубоко вздохнулъ. Онъ бережно схватилъ, болтавшіяся на его груди, красныя ленточки, связывавшія воротъ рубахи и незамѣтно для компаніи, потащилъ ихъ къ губамъ. „Галю, моя дівчіна“, — чуть было не вскрикнулъ онъ, крѣпко прижавшись къ нимъ.

Иванчукъ все время съ завистью смотрѣлъ на рубаху, а теперь не утерпѣлъ и, замѣтивъ непонятое имъ движеніе Панаса, осторожно ощупалъ сначала вышивку, а затѣмъ и самый станъ.

— Поди, дівчіна есть,—вполголоса замѣтилъ онъ и старался посмотрѣть въ глаза Панаса, голова котораго оставалась низко опущенной, между сдвинутыми колѣнями.

А Отчаянный, разливъ водку по всѣмъ стаканчикамъ, ухнулъ, щелкнулъ пальцами и вопросительно посмотрѣлъ на Усенко.

— Колдыбахнемъ, — сплевывая черезъ головы рядомъ съ нимъ сидящихъ сосѣдей, энергично еще разъ выкрикнулъ Фроленко.

Стараясь во всемъ подражать своему ближайшему взводному начальнику, Васильевъ точь въ точь повторилъ всѣ его слова и жесты и, такъ какъ ему было не ловко выпить первому, ждалъ Фроленко.

— Давай, выпьемъ, — повторили за нимъ близъ сидѣвшіе и чуть было не „опрокинули“ ихъ въ „пасть“.

— Давай по господски... за што нибудь... всѣ значитъ разомъ, — опять помѣшалъ Усенко. — Назначай,—предложилъ онъ Фроленко, но тотъ его не понялъ.

— Давай за бабъ, да за дѣтей нашихъ... оставили ихъ тамъ безъ хлѣба... а вернемся ли... кто знаетъ, — болѣзнено проговорилъ тотъ же Усенко и, приподнявъ стаканчикъ, ждалъ компаніи. Запасные одобрили подобный тостъ и приподняли свои.

— За бабъ, такъ за бабъ, — вздохнулъ Фроленко, вспомнивъ про свою жену. — Ну вали!

— За бабъ,— повторилъ Васильевъ и, мигнувъ глазомъ, пошло улыбнулся. Но остальная компанія что-то не трогалась. Панасъ молча сидѣлъ все въ одной позѣ, Отчаянный мотнулъ головой въ знакъ нетерпѣнія, Кузьменко же подалъ своими ногами и шлепнулъ себѣ по спинѣ, а Иванчукъ о чемъ то серьезно раздумывалъ.

— Не идетъ, — вдругъ проговорилъ онъ. — Давай за прекращеніе войны и вся недолго... начхать... паны дерутся, а у мужиковъ чубы болятъ, — объяснилъ онъ свою мысль. Предложеніе его пришлось всѣмъ по вкусу.

Дернули всѣ, закусили языкомъ, а Отчаянный опрокинулъ черезъ голову Фроленко нѣсколько капель водки, оставшихся на днѣ, и произнесъ къ чему-то „вотъ такъ“!

Компанію стали облѣплять и другіе солдаты, все съ большимъ интересомъ слѣдя за разговоромъ. Каждое слово говорившихъ находило откликъ въ ихъ сердцахъ и каждый изъ нихъ не на шутку удивлялся, какъ все это не приходило имъ въ голову и раньше.

— Хозяйство пропадетъ, — началъ, молчавшій до сихъ поръ сосѣдъ Усенко, Оглобля, землякъ его по деревнѣ. Онъ выдавался своею худобою. Жилистая, сутуловатая фигура его, съ крѣпко подтянутымъ животомъ, съ землистымъ и болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, обросшаго густой, недавно подстриженною бородою, менѣе всего могла напоминать, что это запасной солдатъ.

— Взяли отъ дѣла твого, — повторилъ кто то со вздохомъ, за нимъ вздохнули всѣ. — Хошь не хошь, а на войну иди... бросай заработокъ, семью... все значитъ.. чудное дѣло ... а для чего,—кончилъ тотъ же голосъ.

— Начальство не спроситъ... ему што?... Выгода одна отъ этого, — началъ Усенко. Пропогоны, кресты... повышеніе... а тамъ смотри и начальникъ новой губерніи — губернаторъ... земскій... становой, а нашъ братъ проливай кровь... тьфу! — энергично сплюнулъ Усенко и, вытеревъ длинные пушистые усы, искренне удивился тому, какъ это у него „такъ ловко все вышло“.

Фроленко при послѣднихъ словахъ Усенко въ знакъ неодобренія заерзалъ на мѣстѣ.

— Начальство,—строго началъ онъ,—а ты его ублаготвори... а на сволочь... въ комитетъ жалуйся... тамъ разберутъ. — Въ какой именно „комитетъ“ онъ и самъ не зналъ и произнесъ это слово для большей важности.

— Н-да, безъ этого никакъ нельзя, — вскользь проговорилъ въ тонъ ему Васильевъ, но, замѣтивъ, что никто не обращалъ на него вниманія, обидѣлся и демонстративно сплюнулъ черезъ голову Фроленко.

Оглобля засуетился на мѣстѣ и вдругъ разсердился. Онъ чуть поднялъ лицо съ длинными „хохлацкими вусами“, и заговорилъ, быстро выбрасывая цѣлый потокъ словъ.

— Чудакъ человѣкъ, жалуйся... на начальство... начальству значитъ, такъ! Да ты слышь, у меня этой осенью увели со двора Машку, корову значитъ... кормилицу нашу... за недоимку, — нравоучительно прибавилъ онъ,—а теперь гонятъ самого на войну. Зачѣмъ спра-

шиваю я, а? зачѣмъ, — почти выкрикнулъ онъ. — Умный человѣкъ подумай, — сбавивъ тонъ, продолжалъ онъ. — Вонъ у нашего помѣщика 10000 дес. земли... сдаетъ намъ же въ обработку, а самъ земскій... все штрафы — самъ и засудитъ. Машка фью! а она тяжела была, — вздохнулъ онъ. — А сколько моя баба съ ребятами плакала... ребята все молоко просили, — угрюмо пропустилъ онъ сквозь зубы, — а откуда его взять... ребята въ ревъ... баба за ними... страсть... чуть самъ не прибилъ ее — реветъ и шабашъ. А теперь иди, бейся! А зачѣмъ, спрашиваю я васъ, зачѣмъ? — и Оглобля обвелъ всѣхъ недоумѣвающими глазами, съ хмуро надвинутыми на нихъ щетинистыми бровями и вдругъ ударилъ себя по ляшкамъ ногъ.

— Земля нужна царю, — вразумительно, но не совсѣмъ убѣжденно началъ Фроленко, а ты спрашиваешь „зачѣмъ“... мужикъ, какъ есть мужикъ... отвыкъ отъ царской службы.

Но Усенко обидѣлся за своего земляка по деревнѣ.

— Старшой стой! Не кричи, а разбери! Оно тошно... у нашего земскаго з-е-мли... отъ края до края глазъ не хватитъ... а онъ въ нашей губерніи не одинъ... помѣщики... сто чертей имъ въ ребра... а у меня десятинка... а деньги отдай въ казну — все съ нашего брата мужика идетъ. А куда они идутъ... разсуди, умный человѣкъ, — и Усенко осмотрѣлъ всѣхъ, вторично удивившись себѣ.

— Мы мужики... корову послѣднюю уведутъ, — прервалъ его Оглобля, — а потомъ и самъ на войну ступай, а тамъ убьютъ,—и если бы ему не помѣшали говорить, онъ дословно повторилъ бы свою жалобу.

Стой... не рви... не тяни за душу, — прерывая его, опять началъ неугомонный Усенко. — Вотъ ты унтеръ, а што будешь дѣлать, какъ вернешься... хозяйство въ запущеніи... старики перемрутъ... баба безъ хозяина... не баба, — энергично крикнулъ онъ, — а по какому праву... спрашиваю я... по какому, — онъ спутался, замѣтивъ, что не попалъ въ „цѣль“ и, разсердившись, взялъ за воротъ Фроленко.

— А ты ублаготвори, — нашелся онъ и, приподнявъ стаканчикъ, свиснулъ въ знакъ того, что ничего нѣтъ.

— Отчаянный, другъ, разливай! Люблю кампанію, я весь тутъ, какъ тутъ, бери што хошь! Угощаю, пей за свое собачье здоровье... а старшой с. с. у насъ не дуракъ... вижу, братъ, тебя... на сквозь вижу... а воевать намъ нечего, — и Усенко со всего размаху во всю ши-

рину своей крѣпкой мозолистой ладонью хлопулъ Фроленко по спинѣ и расхохотался веселымъ, задорнымъ смѣхомъ. Всѣ разсмѣялись, а Фроленко въ знакъ удовольствія замычалъ и попросилъ еще разъ хлопнуть себя по тому же мѣсту.

— Зачесалось, — объяснилъ онъ.

— Не спросимши насъ, а иди на войну... нѣтъ такого закону отъ хозяйства отрывать... дѣтей бросать... съ голоду помирать... кто кормить ихъ будетъ... зачѣмъ... по какому такому полному праву, — ни къ кому не обращаясь, началъ опять Оглобля, вслухъ высказывая измучившіе его и наболѣвшіе вопросы.

— Вѣрно, — вскользь, но рѣзко бросилъ Иванчукъ и замечталъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бы прежде чѣмъ начинать войну, начальство спрашивало ихъ всѣхъ, — ни въ жисть не было бы войны, — подумалъ онъ и хитро улыбнулся.

— Ай да Марфуня, знай нашихъ, — заплетывающимся языкомъ громко прибавилъ Иванчукъ и разсмѣялся. Онъ уже сталъ хмелѣть.

— Зачѣмъ война, — вдругъ глухо началъ, до сихъ поръ все время молчавшій самый старый изъ запасныхъ — Пономаренко. Послѣ этихъ словъ онъ замолчалъ. Съ большой головой безъ всякой растительности, съ рѣзкими почти старческими морщинами съ сильной просѣдью, переходящей въ сѣдину, Пономаренко, съ вдумчивымъ преждевременно состарившимся лицомъ, украшеннымъ добрыми, мягко смотрѣвшили на всѣхъ глазами, производилъ впечатлѣніе бобыля. Тонъ же, какимъ онъ заговорилъ, сразу заставилъ окружающихъ внимателъно вслушиваться въ каждое его слово и всѣ подумали: „оно видать, мужикъ съ головой, даромъ что сѣрый.“

— Зачѣмъ война... одно раззоренье, — началъ онъ снова.—Иди чертъ знаетъ куда... на край свѣта... землю отбирать, гмъ!... а у насъ въ Россіи ее нешто мало, — и онъ обвелъ всѣхъ глазами. Не получивъ отвѣта, онъ не замедлилъ продолжить свою мысль.—Какая корысть въ чужой землѣ, отбирать ее отъ другихъ мужиковъ... не бойсь самимъ нужда въ ей... а отберемъ — глянь, понасадятъ помѣщиковъ и нашему брату никакой пользы... отбирать идемъ... а пока отберемъ, сколько перемретъ, да сколько перебьютъ то народу... а подъ носомъ земли сколько хошъ. — Пономаренко собственно не сказалъ ничего новаго изъ того, что говорили Усенко и Оглобля, но серьезность и внушительность тона, какимъ

все это было высказано, произвели на всѣхъ очень сильное почти ошеломляющее впечатлѣніе.

— Нашими костьми надо землю удобрить... а тамъ баръ на нихъ, а хамамъ... нашему отродью значитъ... шишъ въ зубы.

— Ну, ну чего это... того, — прервалъ Отчаяннаго Фроленко, не выносившій рѣзкихъ сужденій его и строго посмотрѣлъ на всѣхъ.

— Слабнетъ дисциплина, сволочи, — спохватился Васильевъ.

— Слабнетъ, не кочевряжься,—отгрызнулся Отчаянный. — Не бойсь самого умѣешь ругать... царя,— прибавилъ онъ вполголоса, но такъ, что всѣ это разслышали. А за что, братцы,—обратился онъ ко всѣмъ, ставя поднятый имъ было чайникъ на мѣсто.

— Ну, пшелъ, одно слово „Отчаянный“,—желая прекратить непріятный для его будущаго званія разговоръ, прервалъ его Васильевъ.

— Ага! — понявъ его, не хотѣлъ сдаваться Отчаянный.

— Брось! Наливай и колдыбахнемъ... въ горлѣ пересохло,—прервалъ ихъ почти совсѣмъ не говорившій Фроленко. Его грызла сегодня болѣе, чѣмъ когда либо, предстоящая разлука съ женою.

— Стой, успѣешь накачаться,— не хотѣлъ сдаться Отчаянный, но, замѣтя нетерпѣніе другихъ, принялся за свое дѣло.

— Вотъ то-то и оно то,—выпивъ поданный ему Отчаяннымъ стаканчикъ, началъ Пономаренко тѣмъ же тономъ, какимъ онъ говорилъ въ первый разъ. — Ругаться-то мы мастера, да и крикомъ... кого хошь возьмемъ, а взамѣнъ бы этого, коли бы съ умомъ... да собраться силами и...— Пономаренко махнулъ рукой. Что онъ хотѣлъ этимъ сказать, никто, кажется, изъ всей компаніи не понялъ, но всѣ внимательно посмотрѣли на него.

— Вѣрно,—невзначай, отвѣчая на послѣднюю мысль Пономаренко, подхватилъ Усенко и, выругавшись крѣпкимъ русскимъ словомъ, сдѣлалъ рукой какое-то движеніе, отъ чего всѣ прыснули отъ смѣха.

— Гм...—началъ Отчаянный, желая перемѣнить надоѣвшій ему разговоръ. Онъ метнулъ глазомъ и хитро дернулъ себя за усъ.— А ты спроси,—обратился онъ къ Усенко и мотнулъ головой по направленію къ Васильеву, — за что Кабацовъ билъ его по мордѣ на маневрахъ.

Ему очень хотѣлось унизить Васильева предъ всей компаніей, и онъ собрался дать болѣе подробныя разъясненія, но его прервали.

— А нешто все бьютъ, — спросилъ Оглобля и обвелъ всѣхъ глазами,

— А то какъ же? безъ этого нашъ братъ не солдатъ, въ первый разъ за все время заговорилъ Панасъ, а Кузьменко, лежа на спинѣ и отбивая ногами трепака, при этихъ словахъ стукнулъ ступнями ногъ.

— Больно, чертъ,— выругалъ онъ самъ себя, попавъ во время этой игры костящкой одной ноги о другую. Онъ свиснулъ и крѣпко выругался.

— Чего ты, — заботливо понернулся къ нему Панасъ.

— Больно, — повторилъ Кузьменко, имѣя въ виду неловкость своего движенія, но всѣ оба раза поняли его иначе.

— Больно говоришь, — началъ словоохотливый Усенко. — Шшь, хамы! Теперь бьютъ, тамъ будутъ грабить, и вести подъ пули а потомъ на наши же плечи... баринъ, ахъ вы бісовы черти.

Оглобля засопѣлъ, сплюнулъ, схватилъ себя за бороду, закусилъ ее, а затѣмъ и заговорилъ.

— Они любятъ драться... барское дѣло... это что и говорить... и ведутъ проливать кровь... тьфу ты пропасть! Нѣтъ, братцы, воскликнулъ онъ,—какъ кто тронетъ... пусть самъ энералъ... вотъ предъ всѣми... пусть плюнутъ... не сдоброват. У меня дѣти... старшему 16 лѣтъ... ни разу пальцемъ не задѣлъ, а не то што тамъ. Бить, а! да я его с. с... какъ будетъ война... спущу съ него шкуру... прямо въ лобъ... а то штыкъ въ пузо... и туда ему подлецу дорога.—Оглобля по обыкновенію, все это проговорилъ залпомъ и сразу замолчалъ.

Пономаренко внимательно посмотрѣлъ на него, хотѣлъ что-то сказать, но раздумалъ.

— Люблю! Дай, братъ, поцѣлуемся! Мы тоже... кто есть офицеръ... солдатъ—всѣ солдаты... люди. Онъ тебѣ въ морду, а ты ему два раза... Онъ тебя въ зубы... а ты его штыкомъ... Люблю! Не подавайся! Наша возьметъ.— и Отчаянный полѣзъ цѣловаться съ Оглоблей, оба они уже были на „второмъ взводѣ“.

— Те...—шепнулъ вдругъ Усенко, — фельдфебель!

— Честной компаніи,—проговорилъ Федотовъ, подходя къ новымъ знакомцамъ.—Эге! сами угощаетесь, а старика забыли.

— Пожалуйте, рады стараться, г. фельдфебель! Я солдатъ... вы тоже — одна лямка. Пожалуйте! Отчаянный, лей! Приподноси г. фельдфебелю, — засуетился Усенко и сталъ расталкивать товарищей.

— „Г. фельдфебель", гм! — недовольнымъ тономъ заговорилъ Федотовъ. — Степанъ Федоровичъ,—отрекомендовался онъ.... а „г. фельдфебель" — на службѣ... тамъ не спущу... извини, братъ.

— Степанъ Федоровичъ, ага! Не забуду... дѣло, — началъ растерявшійся Усенко, — рады стараться... всею душою... видитъ богъ... порядковъ вашихъ не знаемъ... а рады стараться... вотъ какъ есть.—И онъ вытянулся во весь ростъ и выпрямилъ грудь. — Отчаянный, приподноси, ты что же... Ублаготвори Степанъ Федоровича и всю компанію... заряды есть, жарь. — Усенко отъ наплыва чувствъ совсѣмъ растаялъ и не зналъ, что дальше дѣлать. Онъ ерзалъ на мѣстѣ, хваталъ чайникъ, осматривалъ всѣхъ.

— Пожалуйте, Степанъ Федоровичъ,—вкрадчиво проговорилъ Васильевъ и потѣснился, стараясь дать около себя мѣсто.

— Ладно, сяду!—но фельдфебель не сразу подсѣлъ къ компаніи.

Кузьменко при входѣ его повернулся на „брюхо" и живо потащилъ къ себѣ чашку съ водкой. Опрокинувъ голову далеко назадъ, онъ влилъ въ себя жидкость.

— Поперхнулся, — закашлялся онъ, и повернувшись на спину, по обыкновенію заигралъ въ воздухѣ ногами.

— Не въ тотъ переулокъ, — добродушно замѣтилъ Иванчукъ. — Слезни, — онъ передалъ Кузьменко чашку, на днѣ которой осталось еще нѣсколько капель влаги.

Старательно исполнивъ это приказаніе, Кузьменко поставилъ чашку на прежнее мѣсто и присвистнулъ, а затѣмъ сталъ качать ногами и изрѣдка хлопать себя ими по спинѣ.

И вся прочая компанія такъ или иначе отнеслась къ приходу фельдфебеля.

Пономаренко серьезно посмотрѣлъ на него и вытеръ лысину краснымъ платкомъ. Иванчукъ вплотную подсѣлъ къ Панасу и обнялъ его за талію, который искреннѣе всѣхъ обрадовался Федотову.

Онъ мягко взглянулъ на него и взглядомъ полнымъ какой то жалобы осмотрѣлъ всѣхъ, сидящихъ вокругъ него. Фроленко, уже „накачавшійся", глупо улыбнулся. А Оглобля раздумывалъ о томъ, какъ бы заговорить съ фельдфебелемъ о своей обидѣ и соображалъ, какъ онъ

къ этому отнесется. Отчаянный же занялся чайникомъ съ водкой.

Между тѣмъ Федотовъ стащилъ съ себя мундиръ и принялся за сапоги. Увидя это, Кузьменко живо вскочилъ съ мѣста и хватился за ботфорты. Федотовъ не сопротивлялся. Онъ подставилъ одну ногу за другой и когда оба сапога были стащены, Кузьменко принялся за портянки, которыя толстымъ слоемъ тряпокъ покрывали не только ступни ногъ, но и обматывали голень вплоть до колѣнъ. Стащивъ цѣлый ворохъ толстой не первой чистоты мокрой отъ пота тряпки, Кузьменко осторожно стряхнулъ ихъ, разгладилъ собственной „дланью“ и развѣсилъ на краю наръ. Федотовъ влѣзъ на нары и усѣлся около Панаса. Не успѣлъ онъ усѣсться, какъ ему преподнесли два стаканчика, одинъ — для „куражу“, другой—для „закуски“. Онъ выпилъ, причмокнулъ, вытеръ, чуть пожелтѣвшіе, усы и обратился къ Панасу съ цѣлью заговорить съ нимъ.

— Степанъ Федоровичъ, — помѣшалъ неугомонный Усенко, но его въ свою очередь прервалъ Оглобля.

— Машка, корова значитъ!...

— Поѣхалъ! мазныця. Брось ныть, не поможетъ! А вотъ пусть Степанъ Федоровичъ разскажетъ намъ про солдатское житье. Мастакъ разсказывать, — головой кивнулъ на фельдфебеля Отчаянный, который хотѣлъ начать разговоръ на новую тему.

— Мастакъ, — не совсѣмъ понявъ это слово, удивился Усенко, — Степанъ Федоровичъ, одно слово родной отецъ, разскажи. У человѣка съ такими нашивками есть о чемъ поучиться, — суетился Усенко. — Отчаянный, давай чайникъ, зарядовъ не хватитъ, а? Степанъ Федоровичъ разрѣши, услужу! Мы утощаемъ... запасъ, давай по четвертаку, пей ребята. — Запасные вынули изъ за пазухи кисеты и стали рыться въ нихъ своими закорузлыми пальцами, ища нужную сумму. Отчаянный успѣлъ уже „напялить“ на босыя ноги чьи то сапоги, а на полуголыя плечи чью то шинель и, получивъ „гроши“, отправился за „Марьей Павловной“.

Федотовъ любилъ за чаркой водки поболтать „языкомъ“ и никогда въ этомъ не отказывалъ. Узнавъ, что Федотовъ будетъ разсказывать, солдаты, начавшіе укладываться, стали собираться у и безъ того тѣснаго кольца, образовавшагося вокругъ чайниковъ. Кольцо это теперь живо разрослось, занявъ огромное мѣсто на нарахъ.

И дѣйствительно, Федотову было о чемъ разсказать...

За время своей долголѣтней службы онъ вынесъ не только массу личныхъ впечатлѣній, но отличаясь способностью подмѣчать, умѣлъ создавать живые образы и до такой степени увлекалъ ими солдатъ, что никто не могъ сказать, разсказъ ли это только. Кромѣ этой, часто встрѣчающейся у простыхъ людей способности, Федотовъ имѣлъ удивительную память и отличался большой долей любопытства. Онъ умѣлъ съ каждаго, почему либо показавшагося ему интереснымъ человѣка выпытать все. И со словъ солдатъ, вернувшихся къ первому году его службы изъ русско-турецкой кампаніи и изъ разсказовъ офицеровъ о той же войнѣ, онъ могъ передавать о такихъ фактахъ военной обстановки, что можно было думать, что онъ самъ вынесъ все на своихъ плечахъ. И стоило Степану Федоровичу начать, какъ пошли воспоминанія вообще о военныхъ дѣйствіяхъ, понимая, что эта сторона дѣла представляетъ теперь самый большой интересъ для всѣхъ солдатъ. И имъ пришлось услышать о такихъ вещахъ, что знай объ этомъ начальство оно сочло бы его отчаяннымъ революціонеромъ. Умный и честный старикъ не сгущалъ красокъ съ какой нибудь предвзятой цѣлью. Вдумчиво относясь къ явленіямъ военной жизни, онъ зналъ, что съ подобными фактами придется встрѣтиться и теперь во время войны съ Японіей, но ему и въ голову не могла прійти мысль, что все это нужно скрыть. Любя солдата и видя въ немъ воплощеніе храбрости и геройства, оттѣняя отрицательныя стороны боевой жизни, онъ хотѣлъ подчеркнуть положительныя стороны русской храбрости, но на солдатъ все это производило другое впечатлѣніе.

Разсказъ Федотова не прерывали. Всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ. Усенко только изрѣдка преподносилъ ему „плепорцію“ и Федотовъ, не возражая противъ подобнаго способа „развязыванія языка“, выпивалъ и съ еще большей горячностью разсказывалъ. Его болѣе чѣмъ кто либо слушалъ Панасъ, который такъ и не отрывалъ отъ него глазъ. Вздрагивая чуть замѣтной нервной дрожью, онъ, по окончаніи разсказовъ Федотова, спросилъ.

— Зачѣмъ же воевать!? — Онъ хотѣлъ спросить: во имя чего же воюютъ, когда губится столько жизней, когда проливается столько крови, но мысль его была сжата ограниченнымъ выборомъ словъ и ихъ не хватило у него. Но его Федотовъ все таки понялъ.

— За вѣру, царя и отечество! — случайно отвѣтилъ онъ общеизвѣстной, крѣпко сидѣвшей въ головѣ съ первыхъ дней службы, фразой, красной нитью проходящей черезъ всю солдатскую „словесность“. — Надо воевать, когда, напримѣръ, турки убиваютъ христіанъ, насилуютъ женщинъ! — положивъ руки на плечо Панаса, поспѣшилъ онъ поправиться, замѣтивъ, что первая фраза вызвала недоумѣніе почти во всѣхъ слушателяхъ. Панасу показалось, что онъ что-то понялъ, хотя все его нутро было противъ войнъ.

— А теперь, развѣ японцы идутъ противъ нашей вѣры, — вырвалось у Панаса, но отвѣта на свои слова онъ не нашелъ. Федотовъ тоже не понималъ, зачѣмъ нужна война и чѣмъ она вызвана.

— Воевать... велика честь, и давать себя обкрадывать! — съиронизировалъ Пономаренко, вниманіе котораго привлечено было разсказомъ Федотова по поводу того, какъ начальство грабитъ солдатъ на войнѣ,—а...

— Старый дуракъ, надо спасать лю...

— А когда сами хотимъ себя спасти, — не обращая никакого вниманія на Васильева, продолжалъ Пономаренко,—начальство же посылаетъ на насъ нашихъ же дѣтей, да только въ солдатскихъ мундирахъ. И наши же убиваютъ, сажаютъ на штыки, а бабъ и дѣтей нашихъ насилуютъ, — угрюмо замѣтилъ онъ и, сверкнувъ глазами, вздохнулъ.

Всѣ испуганно посмотрѣли другъ на друга, а Панаса передернуло при этихъ словахъ. Онъ что то вспомнилъ. Его рѣзнуло ножемъ по сердцу и онъ, уставившись на Пономаренко, нѣсколько минутъ не сводилъ съ него глазъ.

— Нѣтъ, не буду стрѣлять въ своихъ, — чуть было не вскрикнулъ онъ, но его предупредилъ Отчаянный:

— Подлецы идутъ на своихъ, — рѣзкимъ полупьянымъ голосомъ выкрикнулъ онъ.

— Подлецы идутъ на своихъ, — отчеканивая каждое слово, сердился Пономаренко. — А вонъ въ Одессѣ и Севастополѣ запасные не захотѣли идтить на войну и што ты ду-ма-ешь, — отдѣляя каждый слогъ и дѣлая удареніе на нихъ, вдругъ замолчалъ Пономаренко и обвелъ всѣхъ глазами.

— Ну, — засуетились вокругъ него. — Сказывай не тяни!

— Не тяни, — махнулъ рукой Пономаренко и на одинъ мигъ тихо опустилъ голову. — Народъ... нашъ братъ... значитъ запасъ... собрался на площадь предъ

воинскимъ начальникомъ и давай гудѣть... не идемъ молъ на бойню... довольно перебито народу, сказываютъ... не хотимъ бросать своихъ... лучше здѣсь вмѣстѣ... помирать, — и Пономаренко глубоко вздохнулъ и опять обвелъ всѣхъ глазами. Всѣ молчали и боялись проронить хотя единый его звукъ и въ то же время услышать правду. — Призвали дѣйствительныхъ, — снова тихо началъ Пономаренко, — дали какъ водится залпъ и свалили не одинъ десятокъ народу... вотъ... солдаты стрѣляютъ въ солдатъ... по приказу свыше... офицеровъ... господъ.

— Откуда ты все это знаешь, старая собака, — прошипѣлъ Васильевъ.

— Слухомъ земля полнится.

Но этихъ двухъ фразъ никто не разслышалъ. Вниманіе всѣхъ было привлечено крикомъ Отчаяннаго.

— Передушить всѣхъ тѣхъ, кто приказываетъ стрѣлять. Не хотимъ воевать... въ нашихъ рукахъ ружья, — рѣзкимъ полупьянымъ голосомъ выкрикивалъ онъ и, поймавъ на себѣ взглядъ Васильева, вызывающе уставился на него. Можно было ждать какого нибудъ скандала.

— Братъ, — завопилъ вдругъ дребежащимъ голосомъ Усенко. — Мы хамы стрѣляемъ другъ въ друга, подчиняемся барамъ-грабителямъ... идемъ биться съ такими же мужиками... хамы, а ты.., братъ, — и онъ не могъ подыскать словъ для выраженія своей мысли, — а ты умная голова... не сдобровать тебѣ, чертъ, — и Усенко послѣ этихъ словъ схватилъ Отчаяннаго и сталъ съ нимъ цѣловаться. Поднялся общій гвалтъ, Фроленко почему то громко заревѣлъ и другъ друга никто не слушалъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Ну, расходись спать, — придя въ себя повелительнымъ голосомъ замѣтилъ Федотовъ и поднялся. Поднялись за нимъ и другіе.

— Подать сапожки? — подскочилъ къ нему Иванчукъ.

— Не надо и такъ пройду. Все снесешь ко мнѣ,—головой указалъ Федотовъ на верхнее платье и, шлепая босыми ногами, въ одномъ бѣльѣ направился въ свое отдѣленіе.

Далеко за полночь наши новые друзья разошлись по своимъ мѣстамъ и вскорѣ вся казарма мирно спала за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ.

Панасъ лежалъ съ открытыми глазами, рядомъ съ нимъ Отчаянный, Иванчукъ и Кузьменко. Послѣдніе три о чемъ то шептались. Встрѣча съ запасными, ихъ раз-

говоры, разсказы Федотова произвели особенно на этихъ четырехъ солдатъ сильное впечатлѣніе.

Панаса мучила и терзала, лелѣянная имъ съ первыхъ дней службы, мысль о Галѣ, съ представленіемъ о которой у него связывалась та жгучая чистая дѣвичья любовь и нѣжность, которыя такъ ласкали его сердце. Постоянно мечтая о ней, онъ считалъ дни и часы, когда сможетъ броситься къ своей Галѣ, но съ сегодняшняго дня онъ всѣмъ существомъ понялъ одно, что ему больше не увидѣть своей „дівчіны“. По природѣ нѣжный, привязчивый, съ чуткимъ, любящимъ сердцемъ, кроткій Панасъ, прощающій всѣ обиды, учиняемыя надъ нимъ всѣми его начальниками, сегодня почувствовалъ, что надъ нимъ совершается новое страшное насиліе, такое, съ которымъ онъ примириться не сможетъ. Простымъ своимъ сердцемъ, котораго не успѣли коснуться грубость и пошлость казарменной обстановки, онъ понялъ, что всѣ запасные, которые должны были бросить на произволъ судьбы своихъ невѣстъ, женъ, дѣтей и стариковъ, имѣютъ право возмущаться. Слова же Пономаренко крѣпко засѣли въ его душу и вызвали рядъ воспоминаній. Вспомнилось Панасу, какъ ему пришлось быть на двухъ усмиреніяхъ возставшихъ рабочихъ и крестьянъ. Стыдно сдѣлалось ему за выстрѣлъ, который онъ направилъ противъ рабочихъ, еще стыднѣе за нанесенный имъ ударъ прикладомъ по головѣ какого то мужика, который и упалъ, залившись кровью. Воспоминанія эти, всегда болѣзненно отзывавшіяся на немъ, сегодня были особенно живы и его загрызла и затерзала обида и за себя и за тѣхъ противъ кого онъ шелъ войной. Онъ только теперь понялъ на чьей сторонѣ была правда, когда возставали рабочіе и голодные крестьяне и клялъ себя, что онъ смѣлъ исполнить такое приказаніе офицера, какъ стрѣлять и бить безоружныхъ и не думавшихъ нападать на него людей. И въ голову его подкралась новая мысль, на сколько правы всѣ они, идя бить какихъ то японцевъ, на какомъ основаніи все это дѣлается и кто можетъ распоряжаться жизнью сотни тысячъ людей. И, испугавшись этой новой мысли, онъ старался отогнать ее мечтами о Галѣ, но ему это не такъ скоро удалось.

А въ это самое время Отчаянный, лежа между Кузьменко и Иванчукомъ, тихо ихъ въ чемъ то убѣждалъ. Хмѣль какъ будто сошелъ съ него. За этотъ вечеръ онъ, какъ и Панасъ, много пережилъ, но онъ былъ другимъ человѣкомъ, а потому о другомъ и думалъ. Онъ никакъ не могъ примириться съ военной службой. Съ разви-

тымъ чувствомъ собственнаго достоинства, столкнувшись съ произволомъ, царившимъ въ войскѣ, онъ воспиталъ въ своемъ сердцѣ ненависть и жажду мести противъ всѣхъ, кто билъ его и приказывалъ сѣчь. Но сегодня его освѣтила новая мысль, именно, что дѣло не въ тѣхъ, кто производитъ эти насилія, а въ чемъ то другомъ. Изъ разсказовъ Федотова, онъ совершенно ясно представилъ себѣ, что съ войны ему, какъ и многимъ другимъ, не придется вернуться, а изъ разсказовъ запасныхъ онъ сталъ развивать ту мысль, что надъ его ближайшимъ начальствомъ есть высшее и что они всѣ между собою чѣмъ то связаны. Начавъ искать объясненіе всему этому, онъ махнулъ рукой, понявъ, что ему съ такимъ вопросомъ не справиться и подъ конецъ остановился на мысли опять бѣжать со службы. Но ему не хотѣлось бѣжать одному и онъ сталъ убѣждать Иванчука и Кузьменко присоединиться къ нему.

Какъ ни боялся Иванчукъ быть пойманнымъ и наказаннымъ, но онъ скоро подался Оотчаянному и замечталъ вернуться къ своей Марфѣ и зажить съ ней такъ, какъ ему захочется.

Самъ Кузьменко до сихъ поръ никогда не ропталъ и ничѣмъ не возмущался, но онъ былъ тѣмъ солдатомъ, у котораго подъ видомъ внѣшняго безразличія и полной покорности скрывалось горячо любящее свою старуху мать сердце и странная для его возраста любовь къ младшему брату и сестрѣ, которыхъ онъ вынянчилъ на собственныхъ рукахъ. Послѣ же всего того, что онъ услышалъ сегодня, и ему сдѣлалось крайне не по себѣ. Его болѣе чѣмъ когда либо потянуло назадъ въ свою семью, на поля и на просторъ ихъ и онъ въ первый разъ за все время своей службы почувствовалъ весь гнетъ ея. И когда Отчаянный предложилъ ему бѣжать, Кузьменко сразу этому очень обрадовался, но когда онъ отъ Иванчука услышалъ, что ихъ могутъ поймать и разстрѣлять, онъ не на шутку испугался и сталъ отказываться отъ побѣга. Какъ Отчаянный ни убѣждалъ его „плюнуть на все и попытать счастья“, но Кузьменко крѣпко стоялъ на своемъ и подъ конецъ заснулъ. Какъ это ни возмутило Отчаяннаго, но вскорѣ и онъ послѣдовалъ за нимъ, лелѣя мысль о предстоящей свободѣ. А солдаты спали уже давно...

И въ эту ночь можно было слышать, какъ по казармамъ тихо летало чье то слово, нѣжно призывающее „Галю“, можно было видѣть, какъ Усенко нѣсколько

разъ вскакивалъ и рукой манилъ къ себѣ кого-то, чуть слышно произнося: „подлецъ Сенька!“, можно было слышать, какъ Оглобля не то всхлипывалъ, не то стоналъ и звалъ къ себѣ по именамъ дѣтей, и можно было видѣть, какъ Пономаренко, не смыкая глазъ, всю ночь просидѣлъ на своемъ мѣстѣ съ низко опущенной головой.

II.

Въ ожиданіи перевода въ губернскій городъ солдатъ съ перваго же дня стали мучить на ученіяхъ, готовя ихъ къ тому, какъ лучше убивать такихъ же, какъ и они, людей. И они настолько стали втягиваться въ интересы боевой жизни, что кромѣ нея какъ будто ни о чемъ больше не думали и совершенно не сталкивались между собой. Пришли они въ себя только тогда, когда въ одинъ изъ вескресныхъ дней занялись составленіемъ прощальныхъ писемъ къ своимъ роднымъ. Отчаянный считался мастеромъ „писать“ ихъ и, занявшись этимъ дѣломъ, подъ конецъ „обалдѣлъ“.

— Стой, — кричалъ онъ нѣсколько разъ Оглоблѣ.— Суди, ребята, сами! Сказываетъ о коровѣ — есть, о жинкѣ — есть, о братьяхъ и сестрахъ — есть, о дѣтяхъ — есть, о первенцѣ — о старшемъ сынѣ значитъ, — вразумительно объяснилъ онъ всѣмъ,—есть, о всѣхъ сродственникахъ — есть. Чего тебѣ, старый чертъ, надо, — выкрикнулъ онъ свой вопросъ.

— Вѣрно говоритъ, — заговорили въ одинъ голосъ всѣ, которые принимали участіе въ обсужденіи всего того, что писалось.

— Морочитъ голову, — разсердились другіе.

— Она у него одна, — соболѣзновалъ какой то солдатикъ, въ душѣ боясь за свое письмо. — Плохо выйдетъ, — подумалъ онъ и кашлянулъ въ знакъ нетерпѣнія.

— Обалдѣлъ человѣкъ, —замѣтилъ Иванчукъ и сплюнулъ.

— И обалдѣлъ, чертъ его побралъ! Башка одна, а думай за всѣхъ.

Виновникъ же общаго негодованія, Оглобля, виновато переминался съ ноги на ногу съ застывшимъ, упрямымъ и неудовлетвореннымъ выраженіемъ на лицѣ и боялся „пикнуть“.

— Три часа бьюсь... корова... корова,—передразнилъ онъ Оглоблю. —Треснешь отъ злости,—и въ доказательство того, что онъ можетъ „треснуть“, Отчаянный съ размаху хватилъ ручкой по столу и забрызгалъ все письмо.

Совсѣмъ растерявшись, Оглобля обвелъ всю кампанію жалобными глазами и, будучи увѣреннымъ, что дѣло его съ письмомъ пропало, зачесалъ „вывалившееся брюхо“ и виновато вздохнулъ. И исчезнувшее съ его лица на минуту упрямство, проявилось съ еще большимъ ожесточеніемъ.

— Запугалъ человѣка, — вмѣшался Усенко, стараясь выгородить своего земляка. — И здорового же черта поставилъ, — серьезно разглядывалъ онъ пятно, которое образовалось на письмѣ при паденіи ручки.

— Чертъ, — сдавшись на замѣчаніе, сразу сжалился Отчаянный. — Давай кто бумагу. Катай, — скомандовалъ онъ самъ себѣ. — Да не спѣши дьяволъ безухій, — выругалъ онъ самъ себя и, остановившись, сталъ что то обдумывать.

Письмомъ прочитаннымъ во второй разъ, Оглобля снова остался недоволенъ и Отчаянный чуть не изорвалъ его въ клочья, но Пономаренко вмѣшался.

— Прошиби слезой, — серьезно замѣтилъ онъ. — И будетъ дюже хорошо!

— Во — во, — что-то понявъ, зашептали всѣ кругомъ.

— Слезой, чертъ, — понялъ и Отчаянный. — Давно сказалъ бы, — для большей важности крикнулъ онъ и сталъ нараспѣвъ читать, особеннымъ образомъ гнусявя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорилось о поклонахъ и благословеніяхъ.

— Ну, — кончилъ онъ и, на минуту бросивъ взглядъ на Оглоблю, осмотрѣлъ всѣхъ.

— Баба проклятая!.. хнычетъ, — выкрикнулъ присутствовавшій при этомъ Васильевъ и выругался. Оглобля, дѣйствительно, плакалъ, хотя слезъ у него и не было. Онъ теръ кулакомъ глаза, втягивалъ носомъ воздухъ, сопѣлъ и ни слова не могъ выговорить.

— Не баба, душа плачетъ, прохвостина, — разсердился Отчаянный. — Человѣкъ идетъ на войну... ртовъ полная хата... жрать хотятъ...

— Взревешь и не такъ, — всхлипнулъ Оглобля и, выдернувъ рукавъ рубахи, высморкался и тѣмъ же концомъ вытеръ глаза.

— Реветъ по коровѣ... точно быкъ, — какъ бы не обращая вниманія на Отчаяннаго, демонстративно усмѣхнулся Васильевъ.

— Молчи! Раскваша морду, — выходя изъ себя, взревѣлъ Отчаянный.

Васильевъ не на шутку „сдрефилъ“. Онъ замѣтно поблѣднѣлъ и сдѣлалъ „шагъ назадъ“.

— Ну, ну! — криво улыбнулся онъ и выплюнулъ крученную ножку.

— Сволочь! Не твое дѣло! — продолжалъ кипятиться Отчаянный.

— Ну, его къ лѣшему. Вали, братанъ, мнѣ, — боясь драки, заявилъ успокаивающимъ голосомъ Усенко. — Вечеромъ уже сватами станемъ, — намекая на выпивку, энергично кончилъ онъ.

Отчаянный сразу размякъ. И такъ какъ Усенко оказался не требовательнымъ, онъ живо кончилъ письмо его и облегченно вздохнулъ, когда приступилъ къ письму Панаса.

Какъ Панасъ ни стѣснялся вспомнить о Галѣ, но въ концѣ концовъ сдѣлалъ это и покраснѣлъ, стыдливо опустивъ глаза.

— Красная дѣвица, — продолжалъ нахальничать Васильевъ и, не сдержавшись на этомъ одномъ замѣчаніи, пустилъ по адресу дѣвушки какую то страшную сальность.

Панасъ „выпятилъ“ на него удивленные глаза, хотѣлъ было что-то сказать, но, покраснѣвъ больше прежняго, отъ души пожалѣлъ, что назвалъ имя любимой дѣвушки.

— Да уйди отъ грѣха, подлый ты человѣкъ. Зубы на зубы помножу, рожу растворожу,—вспылилъ снова Отчаянный.—и, замѣтя „усмѣшку“ Васильева, началъ на него наступать. Съ сжатыми кулаками, съ нижней челюстью, нервно подергиваемой, съ глазами налитыми отъ сильнаго гнѣва, Отчаянный дѣйствительно былъ страшенъ. Онъ съ Васильевымъ вообще не стѣснялся, такъ какъ онъ былъ только отдѣленнымъ начальникомъ, а послѣдніе по своему рангу ближе всего стоятъ къ рядовымъ.

Надо было ждать серьезной „потасовки“. Затаивъ дыханіе, зная физическую силу Отчаяннаго, всѣ ждали, какъ онъ „отдуетъ“ всѣми ненавидимаго Васильева. Нѣсколько секундъ оба противника осматривали другъ друга.

— Ну тебя, чертово перешница! — не выдержавъ роли, струсилъ Васильевъ и, круто повернувшись поспѣ-

шилъ скрыться съ глазъ компаніи, боясь теперь за себя еще больше, чѣмъ въ первый моментъ.

— Чертова перешница! Не уйти тебѣ отъ моихъ лапъ... паскуда, ишь что отмочилъ, холуй проклятый,— постепенно приходилъ Отчаянный въ себя и кричалъ вслѣдъ удалявшемуся отъ „скандала“ Васильеву. Удирая, Васильевъ встрѣтился съ глазами Панаса, вызывающе, какъ ему казалось, на него смотрѣвшими и, замѣтивъ, что Панасъ „какъ-то“ плюнулъ, еле удержался, чтобы не придраться къ „щенку“, но къ счастью своему не сдѣлалъ этого.

— Такъ бы давно, — продолжалъ между тѣмъ ворчать Отчаянный. Онъ усѣлся къ столу и взялся за продолженіе труднаго мѣста. Мало было у него въ запасѣ словъ для такого спеціальнаго случая, какъ письмо къ дѣвушкѣ, но онъ справился съ этимъ. Такія слова какъ „голубонька, ясныя очи, мое счастье, любонька“ и т. д. понравились всѣмъ и не вызвали никакого протеста со стороны Панаса. Труднѣе ему было справиться съ тѣмъ мѣстомъ письма, въ которомъ Панасъ хотѣлъ мотивировать свое теперешнее нравственное состояніе по поводу выстрѣла въ рабочихъ и удара по головѣ крестьянина.

— Въ толкъ не возьму, — шумѣлъ Отчаянный, стараясь какимъ нибудь образомъ угодить своему другу,— кого обидѣлъ, сказывай прямо!

— Стрѣлялъ... прикладомъ хватилъ... по башкѣ... начальство... грѣхъ, — виновато шепталъ Панасъ, искренне удивляясь, какъ никто не понимаетъ столь простую вещь.

— Когда стрѣлялъ? — удивлялся Иванчукъ, почувствовавъ въ душѣ какую то неловкость. Что то понявъ, онъ старался себя обмануть и, сбросивъ пепелъ съ ножки, предупредительно далъ закурить Отчаянному.

Путаясь, сбиваясь на каждомъ словѣ, чуть ли не въ десятый разъ, старался Панасъ дать объясненія и никакъ не могъ выяснить главнаго.

Отчаянный важно пускалъ дымъ, задавалъ вопросы, стараясь навести Панаса на мысль, но въ концѣ концовъ самъ спутался и чуть было не разсердился.

— Раскусилъ, — засуетился вдругъ Усенко и сталъ объяснять, но Отчаянный съ первыхъ словъ послалъ его „къ черту“.

Усенко на минутку обидѣлся, но тотчасъ же въ душѣ примирился съ Отчаяннымъ, къ которому онъ съ пер

ваго часа своего знакомства все больше чувствовалъ дружбу.

— Стой! — при подобныхъ обстоятельствахъ Пономаренко могъ оказаться полезнымъ, что и признавалось уже всѣми. Глаза всѣхъ устремились на него, и онъ въ дѣйствительности понялъ Панаса, но и то съ трудомъ могъ передать его мысли.

— Ага, поймалъ! — мотнулъ головой Отчаянный. „Мудрено что-то“, подумалъ онъ про себя и сталъ „жарить“.

— Не стрѣлялъ бы въ своихъ, дьяволъ васъ всѣхъ дери, не исполнялъ бы приказанія... начальство... начальство,—вскипѣлъ онъ, почувствовавъ по срединѣ письма, что никакъ не удаются объясненія его по этому поводу.— Начхать, — вдругъ громко бросилъ онъ, замѣтивъ, что послѣднія его слова „обезкуражили“ Панаса.

Панасъ же не совсѣмъ понялъ, что хотѣлъ сказать Отчаянный послѣднимъ своимъ замѣчаніемъ, и, боясь разсердить его, терпѣливо ждалъ, когда кончить онъ писать. Молчали и всѣ, стараясь сообразить чего собственно хочетъ Панасъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ, и когда Отчаянный вслухъ прочиталъ и это мѣсто, всѣ на лету схватили мотивы Панаса, хотя и не совсѣмъ ясно выраженные.

— Чего и говорить, стрѣлять въ своихъ, — заговорили кругомъ и сами завздыхали, не вѣря самимъ себѣ, что и они это когда то дѣлали.

— Покаишься передъ смертью, не бойсь, — сквозь зубы ворчалъ Понамаренко и перемѣстилъ трубку изъ одного угла рта въ другой. — Пойми, чумазая твоя голова, — говорилъ онъ не обращаясь ни къ кому.—Разбить голову мужику... а его сами батька и матка, да и дівчина — мужики — пухнутъ съ голоду... завоешь и не такъ... совѣсть человѣка замучаетъ... идучи на вѣрную смерть.

— Не совсѣмъ ладно — вдумывался въ это время Панасъ надъ прочитаннымъ мѣстомъ. Онъ хотѣлъ объяснить, что всѣ солдаты и тѣ, кто возстаетъ — б р а т ь я и что приказываютъ стрѣлять въ нихъ враги народа. Но столь простую мысль трудно было кому нибудь изъ нихъ сформулировать. — Дѣлать нечего, сойдетъ, — рѣшилъ онъ наконецъ въ умѣ и вслѣдъ за этимъ сталъ прислушиваться, что писалъ Отчаянный подъ диктовку Кузьменко. Кузьменко отдѣлался одними поклонами и пожеланіями всѣмъ здоровья.

— Люблю! — оралъ Отчаянный, — Не размазываетъ,

Долго еще Отчаянный мучился надъ письмами и вниманіе солдатъ все болѣе ослабѣвало къ нимъ и подъ конецъ совсѣмъ было прервано приходомъ Кабацова, что произошло почти вечеромъ. Войдя въ казарму и, выѣвавъ въ сторону Фроленко и Федотова, Кабацовъ сталъ имъ что то говорить. Какъ тихо ни старался онъ говорить, но Усенко отправилъ „ухи въ патрули“ и кое что разслышалъ. И какъ только Кабацовъ вмѣстѣ съ ними вышелъ, Усенко не замедлилъ представить „языка“.

— Сказывалъ—преступникъ, строго надзирай, говоритъ, — захлебываясь, засуетился онъ почему то.

— Чего преступникъ, — вскинулъ на него удивленные глаза Отчаянный, оканчивая чье то послѣднее письмо.

— Самъ не знаю, — добродушно усмѣхнулся Усенко и, дернувъ себя за усъ, насмѣшливо посмотрѣлъ на солдатъ, на лицахъ которыхъ въ это время выразилось полное недоумѣніе, что его забавляло.

— Сейчасъ приведутъ, — выждавъ моментъ, прибавилъ Усенко и сдѣлалъ видъ, что онъ не все еще сообщилъ. Солдаты не на шутку заинтересовались.

— Толкуй! — къ чему то пустилъ Кузьменко и, бросившись на кровать, улегся по своему обыкновенію на брюхо, поднялъ ноги и подперъ голову кулаками.

— Говори, что знаешь, — нетерпѣливо засуетились солдаты вокругъ Усенко.

Онъ уже совсѣмъ собрался отвѣтить, но вдругъ двери казармы опять открылись и на порогѣ показался какой то молодой, лѣтъ 27, солдатъ въ сопровожденіи Федотова. Съ лицомъ, покрытымъ чуть пробивающейся растительностью, подернутымъ грустью, съ сѣрыми на выкатѣ глазами, открыто смотрящими передъ собой, солдатъ былъ довольно высокъ, хотя и не крѣпко сложенъ.

— Въ бѣгахъ былъ, — не давъ опомниться новичку, набросился на него Усенко, какъ только вышелъ Федотовъ.

— Нѣтъ,—удивился тотъ и осмотрѣлся съ цѣлью найти гдѣ либо мѣсто на нарахъ. Замѣтивъ это, Панасъ поспѣшилъ на помощь новичку.

— Иди сюда, мѣсто будетъ Подвинься, — обратился онъ къ Отчаянному, успѣвшему уже совсѣмъ раздѣлаться съ письмами и валявшемуся теперь на нарахъ. Оба они еще вчера перебрались на „новоселье“ на нары и уступили свое мѣсто на кроватяхъ Пономаренко, Оглоблѣ и Усенко какъ людямъ, со службы не спавшимъ на нихъ.

Солдатъ тѣмъ временемъ сбросилъ маленькую котом-

ку, висѣвшую за его плечами, положилъ ее подъ стѣну въ голову, сбросилъ шинель, мундиръ и остался въ синей вышитой косовороткѣ. Сброшенная шапка открыла большой лобъ съ двумя замѣтно выпуклыми шишками надъ бровями и цѣлую копну черныхъ длинныхъ волосъ.

— Эге, — тотчасъ замѣтилъ Фроленко, все время внимательно осматривавшій новичка и что то обдумывавшій. — Это не порядокъ. Точно дьячекъ!.. Надо подъ барабанъ, а то за „патлы“ влетитъ.

— Остричь, такъ остричь, — весело сказалъ новичекъ, только что усѣвшійся. — Цирульникъ есть,—не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, обратился онъ къ Васильеву.

— Отчаянный, ну-ка отчакрыжь парня!

Отчаянный нехотя слѣзъ съ наръ и сталъ готовиться.

Усенко давно подмывало продолжать съ незнакомцемъ разговоръ, раньше ничего ему не объяснившій. И какъ только началась стрижка, онъ къ нему и обратился.

— Такъ значитъ въ бѣгахъ не былъ, а подъ конвоемъ,—выпалилъ онъ на удачу послѣднее слово. „Краемъ“ уха онъ какъ будто разслышалъ подобное слово, когда говорилъ Кабацовъ и, пустивъ въ оборотъ его, боялся, что попадетъ съ нимъ въ просакъ.

— Подъ надзоромъ былъ въ городѣ, когда взяли въ солдаты. Я запасной вишь!

— Изъ подзора, гмъ! Подзоръ въ Сибири, — съ увѣренностью сказалъ Усенко, откуда то взявъ это, — а ты въ нашей губерніи, значитъ изъ Сибири бѣжалъ.

— Я въ Сибири и не былъ, — незамѣтно улыбнувшись, отвѣтилъ новичекъ.

— Что за окказія, — вполнѣ недоумѣвая подумалъ Усенко. — Морочитъ голову! Ишь, шельмецъ, — продолжалъ думать онъ и посмотрѣлъ на всѣхъ, говоря одними глазами: „каковъ гусь лапчатый, а!“ Всѣ поняли его, еще болѣе заинтересовались имъ, и въ знакъ одобренія хитро посмотрѣли на новаго товарища. Это придало Усенко больше храбрости.

— Да, ты хлопче, кто будешь? Сказывай! Не въ домекъ все что то.

— Я соціалистъ. Говорю былъ подъ надзоромъ, какъ взяли на службу. Держали все время на гауптвахтѣ,— замѣтно разсердился онъ.

— Чтобъ не убегъ значитъ, — пояснилъ всѣмъ Усенко, замѣтивъ недоумѣвающій взглядъ солдатъ. Народъ огонь одно слово, — для большей вразумительности подтвердилъ онъ свою мысль.

Отчаянный при послѣднихъ словахъ пересталъ стричь. Онъ внимательно осмотрѣлъ своего кліента. Все время внимательно прислушивавшійся къ разговору, Панасъ поднялся съ своей койки и старался поудобнѣе усѣсться.

— Си-ци-листъ, — раздѣльно повторяя каждый слогъ, наконецъ, съ трудомъ выговорилъ Усенко, черезъ нѣсколько секундъ молчанія и, не зная какъ быть дальше, уставился на него.

— Изъ студентовъ поди, — махнулъ онъ рукой.

— Нѣтъ, я рабочій!

— Ра-бо-чій, а-а-а!—опять отчеканивая каждый слогъ, подхватилъ Усенко и на этотъ разъ настолько удивился, что съ разинутымъ ртомъ такъ и застылъ въ позѣ человѣка, совсѣмъ растерявшагося.

— Поди изъ тѣхъ самыхъ, конхъ *усмирялн*,—подумалъ кое кто изъ солдатъ,

Наступило общее молчаніе.

— Да ты изъ чьихъ,—нашелся вдругъ Оглобля и передернулъ плечами.

— Изъ своихъ — съострилъ тотъ и улыбнулся одними глазами. При этомъ онъ въ первый разъ встрѣтился съ глазами Панаса.

— Славная у него „морда“, — подумалъ новичекъ и хотѣлъ было съ чѣмъ то обратиться къ нему, но Отчаянный этому помѣшалъ, „задравъ“ его голову подъ самый потолокъ. Прекратилъ свои разспросы и Усенко, ввиду неудобнаго положенія головы новичка.

Послѣ того, какъ волосы были сняты подъ самый „корешокъ“, новичокъ отправился на свое мѣсто и завозился съ котомкой, начавъ насвистывать „Марсельезу“.

Панасъ искоса посматривалъ на него и все хотѣлъ заговорить съ нимъ, но его что-то стѣсняло.

— Что, сказка, — рѣшившись наконецъ заговорить, кивнулъ онъ на какую то книжку, которую тотъ успѣлъ вынуть и, перелистывая отдѣльныя страницы, внимательно останавливался на нѣкоторыхъ мѣстахъ, хотя свиста и не прекращалъ. Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ къ нимъ подсѣлъ Усенко.

— Вотъ что, — началъ онъ, но ему не далъ договорить Отчаянный.

— Какъ смола до чобота, такъ и ты пристаешь къ человѣку, брось! — сказалъ онъ и сталъ вертѣть ножку.

Фроленко давно не нравилось, что тотъ, съ кого онъ не долженъ „спускать глазъ“ и за каждый шагъ, котораго долженъ будетъ дать самый „точный отчетъ передъ самимъ царемъ и Богомъ“, слишкомъ ужъ много разго-

варивает, а главное откровенничает. Возмущало его особенно насвистыванье его и онъ кипятился, но сдерживался. Онъ не успѣлъ еще получить инструкціи относительно того, смѣетъ ли новичокъ говорить о „званіи“ своемъ и ему очень не понравилось, что тотъ не постѣснился и сказалъ, что онъ „соціалистъ“.

— Не модель, — все время думалъ про себя Фроленко и сердился на себя за то, что не зналъ, какъ поставить его на „точку прицѣла“.

— Народъ дошлый, — продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собой и сталъ соображать, какъ бы поставить дѣло такъ, чтобы все вышло „аккуратно“ и, главное, разъ на всегда покончить дѣло съ ученымъ „званіемъ“ его. Какъ умный человѣкъ, Фроленко понималъ, что это не такъ просто сдѣлать и боялся попасть въ просакъ. Онъ былъ убѣжденъ, что „званіе“ соціалиста тѣсно связывается съ „ученымъ“, а потому боялся „нарваться“. На минуту шевельнулась было у него мысль, насколько возможно совмѣстить эти два понятія съ званіемъ рабочаго, но вспомнилъ, какъ на какой то демонстраціи, которую ему пришлось „брать въ штыки“, какой то рабочій здорово „рубилъ“ губернатору на „счетъ политики“ и въ концѣ „оболванилъ“ его. И его коробила одна мысль о томъ, что и ему придется спасовать передъ новичкомъ, такъ какъ онъ понималъ, что подымутся вопросы, со стороны заинтересовавшихся имъ солдатъ, и дѣйствительно, забывшихъ вдругъ, кромѣ возникшаго интереса къ новому лицу, все на свѣтѣ. Но съ этимъ онъ въ концѣ концовъ примирился, однако, боялся, какъ бы „сицилистъ“,—какъ онъ сталъ звать новичка въ умѣ — не устроилъ какой нибудь „пакости“, въ ввѣренномъ ему взводѣ, а потому рѣшилъ оказать самыя строгія мѣры, которорыя должны были бы дѣйствовать безъ всякой „осѣчки“.

— Какъ хфамилія, — вдругъ строго обратился онъ къ новичку. Онъ хотѣлъ сказать „твоя“, и нарочно это подчеркнуть, но постѣснялся. „Все таки ученый человѣкъ, сицилистъ“, подумалъ онъ про себя. Онъ поймалъ себя на этой мысли и понялъ, что поступилъ не такъ, какъ взводный начальникъ, дисциплина которому предписываетъ строгость, но дѣлать было нечего. Онъ поспѣшилъ успокоить себя тѣмъ, что это „такъ“ на первый разъ. „Человѣка запугивать не стоитъ съ первоначала“.

— Моя что-ли? — прекращая на минуту насвисты-

ванье, поднялъ голову новичокъ, послѣ того, какъ его незамѣтно подтолкнулъ въ бокъ Панасъ.

— Ну да! Нешто не слышитъ человѣкъ... свиститъ— сердито обратился Фроленко ко всѣмъ. Но эта безличная форма сконфузила его же самаго. Онъ понялъ, что „промазалъ“. Разсердило его особенно то, что новичокъ не успѣлъ переспросить, какъ снова засвисталъ: „Вихри враждебныя воютъ надъ надъ нами“.

— Фамилія Власовъ, а зовутъ меня Борисъ, — услышалъ онъ наконецъ отвѣтъ солдата, на минуту оторвавшагося отъ книги и прекративъ на столько же времени и посвистыванье.

— Борись, — дѣлая удареніе на послѣднемъ слогѣ и произнося его мягко въ повелительномъ наклоненіи, повторилъ за нимъ Кузьменко, самъ не понимая какое значеніе придаетъ онъ этимъ слову.

Власовъ отнялъ голову отъ книги и внимательно посмотрѣлъ на Кузьменко и улыбнулся одними глазами.

— Значитъ Борисъ Власовъ, — повторилъ за нимъ Усенко и качнулъ головой. — А ловко ты, братъ, насвистываешь! Что это за маршъ, такъ и подмываетъ... ахнуть...

— Наша пѣсня, — вскользь замѣтилъ Власовъ и засвисталъ еще звучнѣе.

— Не мѣшайся, чертово быдло, когда спрашиваютъ, — рявкнулъ на Усенко Фроленко.

— И... ишь ты, строгонекъ же сегодня у насъ взводный, — усмѣхнулся громко Отчаянный, и замѣтивъ, что Усенко растерялся отъ неожиданнаго окрика Фроленко, передалъ Усенко „потянуть“ свою ножку. Усенко затянулся и въ свою очередь передалъ Панасу. Взялъ и онъ и, крѣпко затянувшись, выпустилъ изо рта и носа цѣлый столбъ дыму, который сталъ клубиться въ колечки.

Власовъ внимательно посмотрѣлъ на Отчаяннаго, который въ это время смотрѣлъ на Фроленко, съ дерзкимъ вызывающимъ, чуть, чуть насмѣшливымъ лицомъ.

— Въ этомъ парнѣ самъ чертъ сидитъ. Ишь сколько у него протеста, — промелькнуло въ головѣ его.—Эхъ, чертъ возьми, сколько пропадаетъ задарма народу, — вздохнулъ онъ и опять обратился къ книжкѣ и черезъ минуту снова засвисталъ: — маршъ, маршъ впередъ, рабочій народъ, — и лицо его отъ удовольствія раскраснѣлось.

— Да не свисти, — вспылилъ Васильевъ, — съ тобой говорятъ! Не въ казармѣ вѣдь, — тотчасъ сбавивъ

тонъ, кончилъ онъ. Онъ хотѣлъ сказать „не на улицѣ“ и, „выпаливъ“ довольно избитую остроту, разсердился самъ на себя.

— А ты не ори, не въ кабакѣ вѣдь, — спокойно замѣтилъ Власовъ. Отчаянный отъ удовольствія подскочилъ и громко расхохотался и затѣмъ тотчасъ же демонстративно сталъ подсвистывать своему сосѣду. Ухо его было довольно музыкально и онъ быстро уловилъ не сложный мотивъ рабочей пѣсни.

— Не мѣшайся, — огрызнулся и Фроленко на Васильева. — Рано лѣзешь во взводные, сволочь!

— Ай да взводный! молодчина! — одобрилъ Отчаянный. — Еще нѣтъ нашивокъ, а куражится. Всюду суетъ свой поганый носъ; эхъ и морда же! — и Отчаянный съ полнымъ презрѣніемъ плюнулъ, а затѣмъ снова принялся вторить Власову.

— Власовъ! — сидѣло въ головѣ Фроленко. — Ишь какая фартовая фамилія! засвисталъ и этотъ — серьезно испугался Фроленко, — бѣда и шабашъ... гмъ... Влетишь съ нимъ, какъ пить дать! А смотритъ какъ онъ... на сквозь видитъ. Эхъ, и продувной же, видать, парень!—Онъ сдѣлалъ какое то движеніе головой и на минуту пересталъ думать. — Не имѣла баба хлопотъ, такъ купила поросятъ, — закончилъ онъ громко и пріоткрылъ ротъ, чтобы снова заговорить, но „дуракъ“ Васильевъ какимъ то замѣчаніемъ прервалъ у него нить мыслей; онъ никакъ не могъ возстановить ихъ хода и рѣшилъ пока потерпѣть и когда нибудь удариться въ „штыки“.

Прошло съ четверть часа общаго молчанія. Замѣтно было, что въ казармѣ публика начинала дѣлиться на лицъ, желающихъ казаться начальниками и не признающихъ этого.

— Слышь, хлопче, — замѣтно не обращая вниманія на Фроленко, обратился Усенко къ Власову, послѣ того, какъ общее молчанія сдѣлалось ему не втерпежъ, — а за что попалъ... за бунтъ, поди, — и онъ постарался придать своему лицу выраженіе какой то наивности и безпечности.

— За бунтъ, нѣтъ! Мы не бунтари, — отвѣтилъ Власовъ и глаза его на этотъ разъ встрѣтились съ глазами не только Панаса, но и Отчаяннаго. Ему еще больше понравилась „морда“ Панаса, а то, какъ держалъ себя Отчаянный окончательно убѣдило его, что передъ нимъ стихійная сила. Затѣмъ глаза его перенеслись на всѣхъ солдатъ, внимательно, какъ ему казалось, слѣдившихъ за разговоромъ.

— Эге, — подумалъ онъ, — всѣ вы будете въ моихъ рукахъ...

— „Мы“ — въ то же время Фроленко обратилъ вниманіе на это безобидное слово и его при этомъ всего почему то передернуло. Онъ не удержался и движеніемъ всей фигуры выдалъ себя. Отчаянный при этомъ усмѣхнулся, что замѣтилъ Фроленко и не на шутку разсердился, но ничего не сказалъ, боясь какой нибудь исторіи съ нимъ.

— Не бунтари! А кто бунтуетъ противъ царя, — съехидничалъ Усенко и подтолкнулъ Оглоблю съ цѣлью заставить его вслушаться въ то, что будетъ говорить Власовъ. Оглобля вскинулъ глаза и далъ понять, что онъ и такъ слушаетъ, но тутъ вмѣшался Васильевъ.

— Смутьяны! Извѣстное дѣло враги царя, — не утерпѣлъ выкрикнуть онъ по свойственной ему глупости и нахальству. Онъ давно замѣтилъ, что Фроленко чѣмъ то озабоченъ и хочетъ „сбрить“ Власова. И своей фразой онъ хотѣлъ услужить взводному и вызвать его на „наступленіе“. Но онъ испортилъ свое дѣло тѣмъ, что восклицаніе, высказанное имъ самымъ негодующимъ образомъ, закончилъ трехъэтажной бранью. Можно было думать, что Васильевъ не постѣсняется и въ случаѣ чего нибудь, дастъ Власову „леща“.

Отчаянный, какъ извѣстно, давно „точилъ зубы“ на „выскочку“ Васильева, въ душѣ считая его однимъ изъ самыхъ подлыхъ „прохвостовъ“. Сегодня же онъ его нѣсколько разъ доводилъ до „бѣлаго каленія“ и онъ поспѣшилъ, конечно, придраться къ тону, какимъ Васильевъ сдѣлалъ свое замѣчаніе. При этомъ онъ не любилъ самъ такъ ругаться и не переваривалъ, когда кто другой это продѣлывалъ; и онъ вскочилъ отъ вдругъ вскипѣвшаго въ немъ негодованія.

— Опять суешься! змѣя подколодная! Не съ тобой говорятъ; нишкни, — и съ этими словами онъ сильнымъ ударомъ ноги „осадилъ“ Васильева. — Чего поминаешь родителевъ, — прошипѣлъ онъ послѣ удара и вслѣдъ за этимъ „смазалъ“ по физіономіи Васильева. Васильевъ вскочилъ и сталъ въ оборонительную позу.

— Брысь подъ лавку, тебѣ говорятъ,—больше для проформы закричалъ къ кому то изъ нихъ Фроленко, въ душѣ тоже ненавидѣвшій Васильева, который, какъ онъ угадывалъ, подкапывался подъ него, и не скрывалъ своего отношенія къ нему.

— Смотри, опять подъ судъ попадешь, арестантская морда,—отвѣчалъ Васильевъ и какъ бы исполняя при-

казаніе Фроленко, искренне радуясь, что есть возможность избѣжать драки, отодвинулся отъ компаніи, сгрудившейся около нихъ обоихъ.

— Все понимаемъ, — погрозилъ онъ, находясь въ безопасности.

— Чего понимаемъ, сволочь!—и Отчаянный бросился къ нему, но его силой удержали.—Ладно,—продолжалъ онъ еще долго волноваться.—Подъ судъ говоритъ. Вотъ халуй! А пойду—тебѣ же не сдобровать! смотри, на войну идемъ,—погрозилъ онъ.

— Будетъ толкъ съ парня,—думалъ въ тоже время про себя Власовъ, внимательно слѣдя за сценой этого столкновенія, во время которой фигура Отчаяннаго обрисовывалась все сильнѣе.

— Не бунтари, сказываешь, а кто же вы будете,—поспѣшилъ пристать Усенко, какъ только все успокоилось.

— Мы не хотимъ, чтобы у однихъ было все, а у другихъ ничего,—и Власовъ почему то замолчалъ.

— Ага,—съ полнымъ пониманіемъ того дѣла, о которомъ говоритъ Власовъ, поспѣшилъ подбодрить его Усенко.—Ну,—потарапливалъ онъ.

— Мы работаемъ всю жизнь и вѣчно недоѣдаемъ, а то и голодаемъ, а другіе ничего не дѣлаютъ и всегда сыты.

— Здорово жрутъ, значитъ,—подтвердилъ Усенко и покачалъ въ знакъ одобренія головой.

— Ну,—продолжалъ Власовъ,—мы и устроили демонстрацію и заявили о своихъ требованіяхъ. Въ насъ стрѣляли, многихъ убили, а кого арестовали и потомъ въ Сибирь сослали, а меня подъ надзоръ въ нашъ уѣздный городъ, на родину значитъ.

И Власовъ опять замолчалъ, грустно осмотрѣвъ всю компанію, сидѣвшую около него. Молчали и солдаты, хотя всѣ внимательно посмотрѣли другъ на друга, стараясь поглубже вникнуть въ смыслъ сказаннаго.

— Сытый и голодный,—понизивъ голову какъ то случайно прошепталъ Оглобля, — мы всю жизнь голодаемъ,—завздыхалъ онъ.— На роду написано видно.

— Не вой,—отгрызнулся Отчаянный.

— Стрѣляли,—вздохнулъ кто-то,—ишь ты,—соболѣзновалъ тотъ же голосъ.

— Всегда то мы не будемъ голодать. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ... Это зависитъ отъ насъ самихъ,—горячо проговорилъ Власовъ на слова Оглобли и вскинулъ глаза на Панаса, почему то при этихъ словахъ, ближе къ нему подсѣвшаго.

— А на счетъ войны, какъ у васъ тамъ дѣло обстоитъ, не бойсь не хотите ее,—опять хитрилъ Усенко, выговаривая эти слова, какъ то въ бокъ.

— Не намъ она и нужна! Мы противъ войны, такъ какъ отъ нея страдаетъ только нашъ братъ.

— Дѣло, — вскинулъ Иванчукъ и по неизвѣстному адресу выпалилъ „залпомъ“ витіеватую ругань, отъ которой всѣ покатились съ хохота

— Безъ войны нельзя,—нравоучительно началъ Фроленко.—Японцы бунтуютъ, а царю нужна земля,—закончилъ онъ заученной фразой и побѣдоносно посмотрѣлъ на Власова. Ему уже надоѣло корчить изъ себя начальника и, вмѣшавшись въ разговоръ, онъ хотѣлъ примириться со всѣми, замѣтивъ, что всѣ какъ то настраиваются противъ него. Въ душѣ онъ былъ добрый малый и недолюбливалъ „законовъ военнаго времени“.

— Брось,—вскипѣлъ опять вдругъ Отчаянный, совершенно не понявъ его. Онъ былъ настроенъ сегодня очень плохо и видимо придирался съ цѣлью вызвать ссору.

Фроленко обидѣлся, стиснулъ зубы, сжалъ кулакъ и, чуть приподнявъ его, хотѣлъ было „пугнуть“ Отчаяннаго, но, услыхавъ возраженіе Власова, сталъ прислушиваться.

— Бунтуютъ... да еще японцы! — иронизировалъ тотъ. А забрался бы кто въ твою избу, не бойсь не спустилъ бы отцу родному. А если бы онъ сталъ хозяйничать въ ней, навѣрно убилъ бы его, а!..

— Оно конешно... коли въ собственную... да значитъ въ мою... избу,—заворчалъ Усенко.

Фроленко ничего не могъ возразить противъ подобнаго аргумента. Онъ понималъ, что Власовъ говоритъ дѣло и что онъ самъ никому не позволилъ бы этого, но онъ съ трудомъ улавливалъ какой это имѣетъ смыслъ къ войнѣ съ Японіей. Пока онъ соображалъ, Усенко вдругъ вспомнилъ о той экзекуціи, которой подвергались всѣ они, взявъ хлѣбъ у помѣщика и поспѣшилъ подѣлиться съ воспоминаніями.

— Не грабь,—вскользь замѣтилъ Фроленко.

— Не грабь,—быстро вмѣшался Власовъ — А поди вся деревня въ кабалѣ у помѣщика. Кто хлѣбъ сѣялъ, кто жалъ его—все они,—загорячился онъ.—А что получилъ за это!? Шишъ, а помѣщикъ все...

— Вѣрно,—замѣтилъ Пономаренко.—Нашъ хлѣбъ въ рукахъ у помѣщиковъ и богатѣевъ, амбары полны, а мы сидимъ голодомъ.

— А какъ вздумали подѣлиться съ ихъ хлѣбомъ,

сейчасъ солдатъ... и были же дѣла!—замѣтилъ съ противоположнаго конца наръ какой-то запасной.

— Вотъ видишь, какъ возстаютъ противъ грабительства помѣщиковъ, сейчасъ экзекуція... разстрѣлъ. А какъ сами устраиваютъ еврейскіе погромы — это ничего. Тогда можно грабить, насиловать, истязать!..

— Чего тамъ такое еще!?—недоумѣвалъ Фроленко. И видя, что и другіе не понимаютъ въ чемъ дѣло, Власовъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ о погромахъ, которые были въ Кишиневѣ, Гомелѣ и другихъ городахъ.

— А не давали бы бить себя,—сорвалось у Пономаренко.

— Вѣрно, чортъ побери! Что могутъ сдѣлать съ народомъ,—вышелъ изъ себя совсѣмъ возмутившійся Отчаянный, но онъ самъ плохо понималъ какой глубокій смыслъ скрывается въ этихъ словахъ.

— Чудашка, право слово! Что могутъ сдѣлать, ха! а у нихъ сила! Сколько войска наслать можно, страсть!

— А мы штожъ,—хрестьяне... Силы, силы нѣтъ!.. — оралъ Усенко и, разгорячившись, схватилъ Власова за грудь.

— Ваши сыны идутъ въ солдаты. Бери съ нихъ присягу не стрѣлять въ своихъ отцовъ и братьевъ, учи ихъ уму разуму. Не пускай ихъ дураками туда!—началъ Власовъ, но, вспомнивъ гдѣ онъ, моментально смолкъ.

— Оно конешно, да...

— Хитрая штука,—прерывая Усенко, безнадежно замѣтилъ Иванчукъ.

— Чего хитро, — хмуро проворчалъ Пономаренко.— Держись другъ за дружку!

— А вы стрѣлять въ своихъ, а потомъ и принимаете своихъ дѣтей къ себѣ,—опять разгорячился Власовъ.

— Стрѣляете! стрѣляете! Что ты,—испугался Отчаянный и въ негодованіи схватилъ Власова за плечи и сильно дернулъ его. Панаса при этомъ всего передернуло. Онъ густо покраснѣлъ, опустилъ глаза, пожиравшіе до сихъ поръ каждое слово говорившихъ.

— А я стрѣлялъ въ своихъ и билъ прикладомъ,— каждый разъ вздыхалъ онъ теперь, когда заговаривали на подобную тему. Вздохнулъ онъ и сегодня и, стиснувъ зубы, на нѣсколько минутъ перенесся въ свою деревню. —Вотъ гдѣ штука... какъ есть всѣ наши пухнутъ съ голоду,—онъ повернулся на мѣстѣ и уставился въ одну точку.—Поди и Галя,—мелькнуло у него въ головѣ.— Галя!—онъ боялся подумать, что можетъ случиться съ ней, если возстанутъ мужики ихъ деревни и з астоналъ

въ безсильной злобѣ. Въ первый разъ за все время своей службы онъ мысленно разграничилъ всѣхъ людей на „своихъ“ и на „тѣхъ-другихъ“. Къ первымъ онъ отнесъ всѣхъ крестьянъ и рабочихъ, ко вторымъ тѣхъ, кто ничего не дѣлаетъ, но всѣхъ грабитъ и на защиту которыхъ идутъ войска. — Помочь нужно людямъ,— громко закончилъ онъ послѣдней фразой рядъ своихъ размышленій, но не могъ остановиться на этой новой мысли. Процессъ мучительной работы проходилъ у него еще безсознательно, но надо было ждать, что рано или поздно онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Онъ сложилъ руки крестомъ на груди и глубоко задумался.

— Война... земля,—хитрилъ по обыкновенію Усенко, имѣя въ виду эти два понятія какимъ нибудь образомъ связать, но не особенно ,впрочемъ, пытался это сдѣлать. Онъ уже видѣлъ во Власовѣ „умственнаго“ человѣка и понималъ, что тотъ найдется и самъ сумѣетъ отвѣтить, что нужно.

— Война... только народъ задарма отрывать отъ своихъ дѣловъ,—не совсѣмъ понявъ Усенко, разсердился Пономаренко.

— А поди сколько она будетъ стоить денегъ,—замѣтилъ Иванчукъ.

— Прорва денегъ, — живо подхватилъ Власовъ.— Нѣсколько тысячъ милліоновъ рублей,—старался онъ объяснить, замѣтивъ, что его не совсѣмъ понимаютъ.

— Прорва денегъ, а воровства не оберешься, — продолжалъ на кого то сердиться Пономаренко. —А всадили, поди, въ нее сколько!

— Благо, что не предъ кѣмъ за все отвѣчать!—но на это восклицаніе Власова никто не обратилъ вниманія.

— Да, братъ!—вздохнулъ Иванчукъ и замечталъ, что на одну какую нибудь ничтожную часть этой колоссальной суммы, которую не могъ охватить умомъ, можно было бы выстроить хорошую сапожную лавченку.

— На войну бросаются милліарды, а на школы даются гроши, а почему?—обвелъ всѣхъ глазами Власовъ.

— Дураковъ лучше обалванивать!

— Вотъ,—вскинулъ глаза Власовъ на Пономаренко, который все время поражалъ его своимъ угрюмымъ видомъ и мѣткими замѣчаніями.

— Ми... ми... мирды, фу!—никакъ не могъ выговорить этого слова Усенко и, не соображая, какъ и Иванчукъ, что это изъ себя представляетъ, плюнулъ отъ всего сердца.

— Много, братъ, все одно не понять,—махнулъ Пономаренко.

— А съ кого взыщутся расходы по войнѣ, а!—не вслушавшись въ замѣчаніе Пономаренко, спросилъ Власовъ и, не дождавшись отвѣта, сказалъ „съ насъ!“

— Корову послѣднюю уведутъ, — затянулъ Оглобля одну и ту же пѣсню.

— И продадутъ, чертъ съ тобой, — отгрызнулся Отчаянный.

— Вотъ такъ и во всемъ. На нашемъ горбѣ выколачиваются денежки, почти всѣ они идутъ на войско, вредное для народа.

— Ну, ну и дѣла!—промычалъ Фроленко и высказалъ это такимъ тономъ, что никто не зналъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать.

— Старшой, ты тоже мужикъ, — вдругъ завопилъ Усенко.—Дай поговорить по душамъ! Ни въ жисть этого не было. Все нутро болитъ, понимаешь.

— А нешто я не человѣкъ,—совсѣмъ размякъ Фроленко.—Самъ былъ въ мужикахъ и послѣ службы куда идтить? Туда же, эхъ!..

— То-то, братъ! Свои мы всѣ.

— Такъ то оно, такъ, да!.. Эхъ ты, дьяволъ васъ всѣхъ дери!—махнулъ Фроленко и отошелъ отъ компаніи

— А зачѣмъ война,—давно хотѣлъ спросить Панасъ. и сдѣлалъ это только теперь.

— А захватили разбойническимъ образомъ земли у китайцевъ—тотчасъ же заговорилъ Власовъ, —а другимъ такимъ же разбойникамъ тоже хочется ее заполучить въ свои руки.—Онъ нарочно не сказалъ кто захватилъ, но это было и безъ того всѣмъ понятно.—А началась война, чтобы отвлечь вниманіе всѣхъ, что дѣлается кругомъ насъ.

— А на кой чертъ они сдались,—вырвалось у скромнаго Кузьменко. Его никто не разслышалъ, а онъ самъ не подумалъ, къ кому онъ относитъ слово „они“.

— Почему же такъ, — встрепенулся Панасъ.

— Власть у нихъ въ рукахъ. Они и дѣлаютъ что хотятъ.

— Это что и говорить,—подхватилъ Усенко.

— Что же дѣлать,—недоумѣвалъ Панасъ. Онъ хотѣлъ спросить, какъ же выйти изъ этого проклятаго положенія.

— Въ кабалу идти къ нимъ,—буквально понявъ его, поспѣшилъ съ отвѣтомъ Усенко,—или въ тюрьму... а тамъ айда и на войну.

— Плевать въ морду,—вскипѣлъ Отчаянный за своего друга Панаса.

— А надо взять власть въ свои руки,—понявъ Панаса, подхватилъ Власовъ.

— Какъ такъ!—недоумѣвалъ Иванчукъ.

— Стой быдло! Человѣкъ говоритъ, а онъ мычитъ,—кипятился Отчаянный.

— Да такъ и взять,—продолжалъ Власовъ,—пошли съ каждой деревни людей въ правительство. Не бойсь, тогда войны не начнешь, послѣднюю шкуру не сдерешь.

— Сейчасъ же настроимъ уверситеты,—пришло въ голову Отчаянному, какъ человѣку служившему въ сторожахъ во время своего бѣгства въ какомъ-то университетѣ.

— Уверситеты,—ухмѣльнулся онъ опять. На него посмотрѣли всѣ внимательно и онъ почувствовалъ какую то неловкость.—А солдатъ всѣхъ по домамъ... на черта намъ войско,—поправился онъ. Всѣ поняли, кого онъ имѣетъ въ виду, говоря „намъ“.

— Нашто намъ войско, денегъ намъ же и стоитъ,—проворчалъ Пономаренко. Такъ и было видно, что онъ какъ будто засѣдаетъ въ правительствѣ и возражаетъ кому то.

— Пошли и требуй отвѣта. Какъ не потрафилъ какой министръ сейчасъ его...

— По шапкѣ с. с.,—выругался Иванчукъ, прерывая Власова.

— Не рви глотку, сатана, горлодранъ,—прервалъ его въ свою очередь Отчаянный и, сплюнувъ черезъ зубы, крѣпко затянулся догорѣвшей ножкой и закашлялся.—Какъ буду править,—замечталъ онъ,—никому не спущу. Ни копѣйки не дамъ... наткось выкуси,—и для большей убѣдительности, что онъ ничего не дастъ, онъ показалъ всѣмъ фигуру изъ трехъ пальцевъ.

— Люблю! давай, братцы за его здоровье,—предложилъ Усенко. Ему очень понравилась мысль его править самимъ.—Ну, и буйная твоя головушка.—А Отчаянный сконфузился и не зналъ, что дѣлать.

— Давай, согласились всѣ.—Всѣмъ давно хотѣлось выпить, но всѣ на столько увлеклись разговоромъ, что никто не обратилъ вниманіе какимъ образомъ въ рукахъ Усенко оказалась бутылка водки.

— Эхъ хватилъ,—раздумывалъ Кузьменко,—въ министры,—сердито иронизировалъ онъ и, повернувшись на спину, уперъ ноги въ стѣну и старался принять горизонтальное положеніе.

— А што думаешь,—обидѣлся Отчаянный.—Голова есть на плечахъ, все разберемъ... не хуже прочихъ... баръ... не бойсь ошибку не дадимъ... превзойдемъ и ихъ.

— Эхъ, братъ, нашъ ты,—лѣзъ цѣловаться съ нимъ Усенко.—Будемъ когда нибудь сами себѣ господами.

— Будемъ,—вырвалось у Фроленко, минуты за двѣ до того, снова подсѣвшаго къ компаніи.—Будемъ на зло имъ чертямъ!

— Говорилъ, что нашъ,—кричалъ Усенко—сватъ ты и шабашъ, — что то хотѣлъ онъ выразить, словомъ „сватъ".

— А давай въ самъ дѣлѣ выпьемъ за всѣхъ насъ... за господство наше,—прерывая и поправляя самъ себя и не понимая какое онъ придаетъ этому значеніе, мрачно выговорилъ Пономаренко.

— Люблю, — тотчасъ завопилъ въ его сторону Усенко.

— Все знаетъ, такъ и рѣжетъ бестія,—мотнувъ головой на Власова, шепнулъ Отчаянный на ухо Панасу и вслѣдъ за этимъ вытянулся на нарахъ во всю длину своего роста. На немъ сейчасъ же очутился Кузьменко и между ними завязалась возня.

Разговоръ оборвался, но легко было замѣтить, что умъ почти каждаго солдата сильно занятъ новыми вопросами, отъ разрѣшенія которыхъ будетъ зависѣть дальнѣйшая судьба каждаго.

— А вѣдь пора и къ повѣркѣ готовиться,—замѣтилъ Иванчукъ.

— Охъ—хо! хо! Чго то будетъ,—заохалъ Оглобля и поднялся.

— Что будетъ!? Бойня! А за что идемъ помирать!— и послѣ этихъ словъ Пономаренко всталъ. На нарахъ оставался еще Усенко, который возился съ бутылкой.

III.

Со времени появленія Власова въ казармѣ прошло нѣсколько дней и онъ успѣлъ пустить въ ходъ не одну новую идею. Съ каждымъ днемъ солдаты все съ большимъ интересомъ относились къ тому, что онъ говоритъ и сами забрасывали его вопросами и Власовъ почти забылъ, гдѣ онъ находится и что съ него не „спускаютъ" глазъ. Онъ старался съ этимъ считаться, но отличаясь нервнымъ и горячимъ темпераментомъ, забывался и нападалъ на весь нашъ строй со свойственной ему страстностью. Все это могло бы имѣть

очень серьезныя послѣдствія, но егоспасали случайности.

Фроленко, какъ извѣстно, съ момента появленія Власова, исполняя приказанія Кабацова, „слѣдилъ“ за нимъ, но черезъ часъ его мужицкое „нутро“ оказалось уже настолько задѣтымъ разговоромъ, что онъ уступилъ съ „позицій“, а черезъ какой нибудь день не думалъ укрѣпляться въ другихъ. Можетъ быть это не такъ скоро произошло бы, но Кабацовъ, да и Васильевъ этому немало способствовали.

Васильевъ съ первой встрѣчи возненавидѣлъ его и понялъ, что Фроленко не способенъ вести съ нимъ „военной компаніи“. Добиваясь же болѣе скораго производства въ унтеръ-офицеры, онъ сталъ „выслуживаться“. Онъ „моталъ на усъ все“, что говорилъ Власовъ, но дѣятельность его не могла имѣть никакихъ результатовъ, такъ какъ онъ встрѣтилъ на своемъ пути препятствія въ лицѣ Фроленко и Федотова. Дѣло въ томъ, что Васильевъ могъ являться съ докладами по начальству, а значитъ миновать Фроленко онъ не могъ.

— Іуда Искаріотская, — понявъ истинные мотивы Васильева, встрѣтилъ Фроленко его первое нашептываніе. — Хочешь 30 серебрянниковъ, сволочь. Удавишься, скотина! — Его страшно возмутило то, что Васильевъ подкапывается подъ него съ цѣлью получить нашивки.

„Откомандировавъ“ такимъ образомъ Васильева, Фроленко серьезно задумался, какъ ему быть съ вопросомъ о Власовѣ. Лично онъ переживалъ какое-то странное настроеніе. Онъ все внимательнѣе прислушивался къ тому, что говоритъ Власовъ, и все чаще, вмѣшиваясь въ разговоръ, высказывался въ такомъ смыслѣ, какъ и другіе солдаты. И думать о „докладѣ“ Кабацову онъ почти пересталъ. Но сцена съ Васильевымъ заставила задуматься,

— Все можетъ статься отъ подлеца. Поди самъ дойдетъ до его! — имѣя въ виду Кабацова совершенно правильно разсуждалъ онъ,—подъ судъ пойдешь!—и въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ для „проформы“ доложить о Власовѣ, но „прорвался“.

— Ваше благородіе, — остановился предъ Кабацовымъ Фроленко черезъ нѣсколько дней появленія Власова.

— Ну!

— Не спокойно! Власовъ, гм!...

— Чего онъ!

— Смутьянитъ, ваше благородіе.

— Что-о! — прерывая его, заоралъ Кабацовъ и вдругъ побагровѣлъ. — Что онъ, с. с.?

— Смутьянитъ, ваше благородіе! — повторилъ Фроленко.—Сбился съ панталыку, чертъ,—выругался онъ про себя. Идя на „докладъ“, онъ вовсе не думалъ подымать такого „вопроса“, а хотѣлъ, между прочимъ, поговорить о Власовѣ и „обойти“ такимъ образомъ Кабацова, но съ первыхъ же словъ растерялся, и самъ не понималъ, какъ у него вырвалось „такое“ слово.

— Какъ смутьянитъ,—рвалъ и металъ Кабацовъ.

— Не могу знать, ваше благородіе, — совсѣмъ сбился Фроленко.

— Болванъ, дуракъ! Что же ты лѣзешь съ докладомъ? Говори толкомъ!

— Не могу знать, ваше благородіе! Мудрено все что-то, а смутьянитъ,—сгрубилъ Фроленко и, почувствовавъ обиду, вдругъ заупрямился.

— Какъ не можешь знать, эфіопъ! Что ты за унтеръ! Подъ судъ захотѣлъ, — наступалъ Кабацовъ. — Говори, что онъ!..

— Не могу знать, ваше благородіе! Смутьянитъ! — сердился Фроленко. — Треснешь отъ злости, чертъ съ тобой, а ничего не скажу, начхать, — думалъ онъ про себя, отнявъ на минуту руку отъ козырька. — Смутьянитъ, — выкрикнулъ онъ еще разъ.

— Фу ты болванъ! Зарубилъ слово! Смутьянитъ! — и Кабацовъ ударилъ унтера по физіономіи. — Приди въ себя, идіотъ!

— Не могу знать, ваше благородіе,—окончательно заупрямившись повторилъ Фроленко и, въ то же время стараясь не сморгнуть, „пожиралъ“ его глазами.

— Не можешь знать! Не можешь знать, мерзавецъ,— и Кабацовъ сталъ сыпать удары по головѣ унтера, а затѣмъ прогналъ его съ „глазъ“.

— Чертъ съ тобой, — разсуждалъ послѣ перваго „офронта“ обезокураженный Фроленко. — По мордѣ бьетъ... за вѣрную службу, — иронизировалъ онъ надъ собою, и, энергично сплюнувъ, крѣпко выругался.

Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ послѣ этого, онъ ломалъ голову, какъ ему быть съ вопросомъ о Власовѣ, ибо понималъ, что Кабацовъ будетъ его „допытывать“ о немъ, но въ концѣ концовъ успокоился.

— Будетъ, Степане,—уговаривалъ онъ самъ себя.— Человѣкъ хорошъ... свой братъ... видать... хоша и сицилистъ,—и съ этого времени онъ заботился о томъ, какъ бы уберечь Власова отъ шпіонства Васильева.

Кабацовъ же въ первый моментъ послѣ „доклада“ Фроленко хотѣлъ броситься въ казарму и избить Власова, но, сообразивъ, что „такой человѣкъ, какъ Власовъ, чего добраго, всадитъ ему штыкъ въ грудь“, отказался отъ этой мысли. Тогда онъ призвалъ къ себѣ Федотова и сталъ распрашивать о Власовѣ, но тотъ сразу его „обрѣзалъ“. Федотовъ терпѣть не могъ шпіонства и заявилъ Кабацову, что онъ уже присмотрѣлся къ Власову и ничего не находитъ въ немъ опаснаго.

— И чего я на самомъ дѣлѣ кипячусь, — разсуждалъ Кабацовъ послѣ разговора съ фельдфебелемъ.—Э, рабочій какой-то, а еще соціалистъ, — усмѣхнулся онъ.

И все это дѣло этимъ, можетъ быть, и окончилось бы, но Кабацовъ вспомнилъ о Васильевѣ. Вспомнивъ о немъ, онъ призвалъ его къ себѣ и поручилъ ему лично докладывать о Власовѣ. И Васильевъ сталъ лѣзть изъ кожи. Въ очень короткое время онъ превратился въ настоящаго шпіона, но изъ его „докладовъ“ ничего не выходило. Власова оберегали и солдаты, и самъ Фроленко, все это устроилось какъ-то само собой. Сами солдаты поняли, что за птица Васильевъ и на этой почвѣ разыгралась исторія, которая перевернула вверхъ дномъ все и поставила на карту жизнь нѣсколькихъ человѣкъ...

IV.

Прошло три недѣли, а солдаты все еще находились на одномъ мѣстѣ. И только въ началѣ четвертой стало извѣстно, что они черезъ нѣсколько дней будутъ передвинуты въ губернскій городъ, откуда въ составѣ дивизіи начнется походъ на Дальній Востокъ.

Былъ мартовскій день. Солнце багровымъ шаромъ поднималось изъ-за горизонта и бросало свои лучи на кое-гдѣ остающійся снѣгъ и играло ими, ярко отражая бѣлизну его. Несмотря на довольно раннюю пору, вокзалъ былъ полонъ народомъ.

Разряженныя дамы ходили у вагоновъ и раздавали на „брата“ по куску бѣлаго хлѣба и чарки водки. Имъ предшествовалъ соборный причтъ съ хоругвями и протопопъ, окропляя „святой“ водой людей, отправляющихся на путь страданія и самой смерти, именемъ прощенія отъ всѣхъ грѣховъ, благословлялъ на бойню.

Поодаль отъ всей этой довольно шумной и оживленной толпы стояла кучка въ сотни двѣ-три людей. Скучные и грустные, не смѣя смѣшаться съ общей толпой, съ маленькими котомками за плечами, въ лаптяхъ и

заплатанныхъ полушубкахъ, эти люди являлись грязнымъ пятномъ на фонѣ нарядной картины. Нѣкоторые изъ нихъ пришли съ дѣтьми, которыя, держа другъ друга за руки и цѣпляясь за подолы юбокъ матерей, составляли одну крѣпко сплоченную живую цѣпь, а совсѣмъ маленькія дѣти выглядывали изъ за пазухъ материнскихъ зипуновъ.

Женщины не плакали. Глаза ихъ успѣли высохнуть, и онѣ, подперши подбородокъ рукой, уставились глазами, полными тоски, въ одну точку и ждали отхода поѣзда. Стоявшіе около нихъ мужчины, были угрюмы и мрачнымъ неподвижнымъ взглядомъ смотрѣли предъ собой и почти не шевелились.

Всѣ они пріѣхали изъ близь-лежащихъ деревень проводить своихъ мужей, отцовъ, сыновей, братьевъ, жениховъ, родныхъ, знакомыхъ и проститься со многими изъ нихъ на вѣки. Всѣ они уже успѣли „поревѣть“ въ казармѣ предъ уходомъ своихъ родныхъ на вокзалъ и теперь, придя къ отъѣзду ихъ, испугавшись нарядной толпы, жались въ сторонѣ. Между ними было тихо, только отдѣльныя лица изрѣдка между собою перешептывались. Сами же дѣти, чувствуя серьезность момента, застыли въ грустныхъ и печальныхъ позахъ.

Тѣ изъ солдатъ, которымъ были близки эти люди, стояли у открытыхъ дверей вагоновъ и молча всматривались въ лица своихъ женъ, сестеръ, матерей, отцовъ и дѣтей, какъ бы стараясь запечатлѣть черты ихъ. Знакомые намъ солдаты, конечно, находились здѣсь же.

Усенко былъ пьянъ и, стоя у дверей рядомъ съ обнявшимъ его Оглоблей, держалъ на рукахъ своего полугодовалаго Сеньку, переданнаго ему братомъ.

— Подлецъ Сенька,—цѣловалъ онъ своими колючими усами ребенка и всхлипывалъ, глупо улыбаясь. Ребенокъ смѣялся и отмахивался отъ раздражавшихъ его усовъ рукой.

Оглобля переминался съ ноги на ногу, взъерошивалъ жиденькую бороденку и хотѣлъ что-то сказать, но ничего не выходило.

— На, отдашь дѣтямъ,—обратился онъ, наконецъ, съ просьбой къ брату Усенко, продолжавшему стоять у вагона, и передалъ ему кусокъ полученнаго имъ бѣлаго хлѣба.—Стой,—сообразилъ онъ. Онъ на минуту исчезъ во внутрь помѣщенія и снова показался съ цѣлымъ караваемъ солдатскаго хлѣба, полученнаго имъ на три дня.

— И это,—шепнулъ онъ.—Царскій хлѣбъ... сами сработали... поди дѣти голодаютъ,—вздохнулъ онъ, и глаза его встрѣтились съ устремленными на него глазами семьи. Жена поняла, что онъ сдѣлалъ и закивала головой, а дѣти, вытянувъ головы, полуголодными глазами всматривались въ то, что оказалось въ рукахъ брата Усенко.

„Отчаянный“ тоже стоялъ у дверей и, лихо заломивъ шапку назадъ, „залихватски“ насвистывалъ „маршъ, маршъ впередъ, рабочій народъ!“ Мать его тоже была здѣсь. Она передала своему сыну двадцать коп. на дорогу и, подпершись о длинную клюку, старчески кивала головой своему „Яшкѣ-буйной головушкѣ“.

Пономаренко не показывался. Онъ грубо отказался отъ хлѣба и водки и, улегшись лицомъ къ потолку, слѣдилъ за пятномъ солнечнаго луча, попавшаго къ нимъ въ вагонъ и быстро мѣняющаго свое мѣсто, и мучительно ломалъ голову надъ вопросомъ, куда начальство дѣнетъ его дѣтей? Онъ былъ вдовцомъ, а потому дѣти его остались на произволъ судьбы.

Панасъ, не дождавшись никого изъ своихъ и удрученный минутой отъѣзда, лежалъ на нарахъ съ головой подъ шинелью. — Галю! Галю! — шепталъ онъ и нервно вздрагивалъ. — Люба моя!

Власовъ полулежалъ около него и, кажется, одинъ изъ всѣхъ, находящихся въ вагонахъ, ничего не думалъ.

Замѣтивъ брата Усенко, Иванчукъ подозвалъ къ себѣ свою невѣсту. цѣловалъ ея руки, плакалъ и что-то говорилъ. Плакала и она навзрыдъ, закрывая лицо какимъ-то платкомъ.

Кузьменко сидѣлъ у ногъ Усенко и, совершенно не шевелясь, слѣдилъ за своими. Его братъ Петро, лѣтъ 17 парень, держалъ слѣпую старуху — ихъ мать. Его сестра Наташа, молоденькая лѣтъ 18 дѣвушка, разсказывала слѣпой матери, какимъ выглядываетъ ихъ „солдатъ“. Братъ и сестра тихо плакали. Вслушиваясь въ каждое слово своей дочери, слѣпая старушка перебивала ее и просила Петро направить ея голову въ сторону, гдѣ сидитъ ея первенецъ, Дмитро.

— Сыну мій, о сынку! — шептала она. — На шо я тебе породіла! Убьютъ рідного... за гріхи родителевъ,— причитала она чуть слышнымъ голосомъ, и слезы лились изъ ея глазъ и, видя это, самъ Кузьменко плакалъ и чуть слышнымъ голосомъ шепталъ: „мамо, мамо, мамочка моя!“

Фроленко такъ же, какъ Иванчукъ, осмѣлился выйти изъ вагона и стоялъ рядомъ съ женой. Оба они старались не думать о томъ, что это послѣднее свиданіе, но чувствовалось въ обѣихъ фигурахъ ихъ, что въ глубинѣ души они сознаютъ, что разстаются на вѣки.

— Оксана, рвутъ насъ другъ отъ друга, — вздыхалъ Фроленко и заглядывалъ въ наполненные слезами глаза жены.

— Охъ, Павло, сердце такъ рвется,—и она прижимала крѣпко стиснутую своей рукой руку мужа къ истрадавшейся и истерзанной груди.

— Ну, будетъ, молодка, — стоя поодаль отъ нихъ выкрикивала мать ея и плакала частыми слезами.

А Фроленко съ растерянным взглядомъ съ ожесточеніемъ дергалъ свободной рукой себя за волосы, усы и по его измученному лицу бѣжали одна за другой крупныя слезы.

— Ок-са-на, не при... ве... лось пожить,—высморкался онъ въ руку, и какъ ребенокъ прерывистымъ плачемъ зарыдалъ.

И у каждаго вагона этого длиннаго проклятаго поѣзда были все однѣ и тѣ же мучительныя, душу и тѣло терзающія, драмы.

Наконецъ раздался первый звонокъ, а за нимъ вскорѣ и второй. Вслѣдъ за этимъ вся толпа крестьянъ какъ-то шарахнулась и вплотную подошла къ вагонамъ.

— Ура! — тотчасъ замахала праздничная толпа мужчинъ и дамъ платками и шляпами кому-то изъ офицеровъ, а нѣкоторые изъ нихъ и солдатамъ.

— Помирать везутъ, а кричатъ „ура“,—проворчалъ Пономаренко, показываясь въ это время у открытыхъ дверей.

— Сволочи,—вторилъ ему „Отчаянный“ сквозь зубы. —Поѣхали бы сами, посмотрѣлъ бы я, какъ кричали бы „ура“. Сытые черти! На нашу жизнь заритесь!

Усенко же передалъ своему брату Сеньку и, всхлипнувъ, хотѣлъ что-то прокричать женѣ, но голосъ ему не повиновался. Тогда онъ вытянулъ голову къ своему ребенку, продолжавшему, улыбаясь, тянуться къ нему ручками, и закивалъ ему головой. — Держись крѣпче, — сдѣлавъ надъ собою усиліе, вдругъ прокричалъ онъ женѣ, откуда-то пришедшую ему въ голову фразу.

— Прощавайте мои хлопцы... везутъ помирать,— громко всхлипнулъ Оглобля, и по его лицу побѣжали

крупныя слезы, попадая въ ротъ, а онъ смахивалъ ихъ кулаками, и растиралъ по лицу грязь.

Долго сдерживаемый вопль души всѣхъ присутствующихъ вдругъ прорвался наружу. Всѣ бабы и мужчины, а за ними дѣти, оказались у самыхъ вагоновъ, съ протянутыми къ нимъ руками.

— Кормильцы, завопили бабы. Перемремъ безъ васъ!

— Сыны, — прохрипѣли старшіе мужики и смолкли.

— Тато, — повторили за ними дѣти отъѣзжающихъ отцовъ.

— Хлѣбца, — вдругъ закричалъ шестилѣтній мальчуганъ, сынъ Оглобли, по своему понявъ плачъ старшихъ. Къ нему тотчасъ присоединился ревъ всѣхъ дѣтей съ частыми выкрикиваніями „хлѣцба!“

— За что, — къ кому-то обращаясь, растерянно закричалъ Оглобля.

— Не поминай лихомъ... горе твое!

Мамочка! — два возгласа Отчаяннаго и Кузьменко, направленныхъ къ ихъ матерямъ, слились въ одинъ.

— Кормильцы, на кого бросаете, — взывала жена Оглобли и въ изступленіи бросилась къ вагону и стала хватать мужа за руки. А Оглобля, не смѣя соскочить съ вагона, перегнулся, отмахивался руками, что-то говорилъ и навзрыдъ рыдалъ.

— На кого, — вторили за ней всѣ въ одинъ голосъ.

— Прощайте! Прощайте! За царя идемъ умирать,— иронически прокричалъ Пономаренко. — Будь онъ трижды проклятъ, анафема! — хмуро бросилъ онъ, и стонъ его, не выходя изъ вагона, казалось, повисъ въ воздухѣ и застылъ.

Позже всѣхъ пришли въ себя Фроленко и жена его. Не отдавая себѣ отчета, онъ послѣ второго звонка оторвалъ голову ея отъ плеча и съ рукъ на руки передалъ ее матери ея и, взбираясь въ вагонъ, чуть было не крикнулъ во всеуслышаніе: „не хочу воевать, бейте, стрѣляйте меня, подлецы, а воевать за васъ не пойду!“ Но ему помѣшалъ это сдѣлать Усенко. Видя затрудненіе Фроленко взобраться въ вагонъ четвертаго класса, онъ подалъ ему руку, и дернулъ его къ себѣ. Увидя же его плачущимъ, обнялъ его, залился самъ слезами и какъ болѣе старшій по возрасту человѣкъ, сталъ пришептывать: „о, сынку мій! о, бідная твоя головушка!“ Это совсѣмъ разжалобило Фроленко, онъ громко зарыдалъ и не могъ выговорить ни слова.

Этотъ общій плачъ превратился въ одно проклятіе царизму, затѣявшему войну и можно было ждать, что

толпа провожающихъ и отъѣзжающихъ сольется въ одномъ чувствѣ протеста. Но полиція стала торопить начальника станціи, почему то медлившаго съ третьимъ звонкомъ. Наконецъ раздался и онъ.

Поѣздъ сразу пришелъ въ движеніе. Старые вагоны 4-го класса, съ помѣщенными въ нихъ людьми, свободно сквозившіе въ безчисленныя щели, шелохнулись, чуть зашатались, выпрямились и, скрыпя всѣми стѣнами своихъ старыхъ ни къ чему негодныхъ досокъ, медленно поползли за локомотивомъ.

— Ну, поѣхали!... Мамочка, — громко вскрикнулъ Кузьменко въ послѣдній разъ и всталъ на ноги. Всѣ передвинулись.

— Сенька! Смотри у меня! — стоялъ Усенко опять у дверей вагона и старался смѣяться.

Иванчукъ громко по русски заругался. Но эти три восклицанія покрыты были общимъ раздирающимъ душу воплемъ. Плакали всѣ и надо было имѣть желѣзные нервы, чтобы выдержать эту картину. Но кто-то не выдержалъ.

Въ этотъ хоръ плачущаго люда вдругъ ворвался воодушевленный боевой кличъ одного изъ рабочихъ, случайно попавшаго на вокзалъ.

— Долой войну! Да здравствуетъ миръ всѣхъ народовъ! Долой царское правительство! Да здравствуетъ республика съ общеизбирательнымъ правомъ! Долой!!...

Солдаты оцѣпенѣли. На перронѣ сразу какъ то все притихло и всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли въ ту сторону, откуда раздался этотъ смѣлый кличъ. Жандармы и полиція бросились на публику.

— Долой войну! Да здравствуетъ миръ всѣхъ народовъ! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе, — заразившись боевымъ кличемъ какого-то смѣльчака рабочаго, поддержали его другіе, присутствовавшіе здѣсь, рабочіе.

Власовъ не утерпѣлъ. Оказавшись послѣ первыхъ криковъ на самомъ краю вагона, выдвинувшись далеко впередъ, съ разгорѣченнымъ лицомъ и полными радости глазами, замахалъ онъ въ воздухѣ шапкой. Панасъ и Отчаянный, замѣтивъ его движеніе, замахали въ свою очередь ими. Всѣ прочіе солдаты, не зная какъ это у нихъ вышло, продѣлали тоже самое, но трудно было разобрать къ кому это относится. Ихъ родные приняли это на свой счетъ, а рабочіе поняли такъ, какъ имъ этого хотѣлось.

— Это нашъ, — увидѣвъ Власова, кто то бросился съ ожесточеніемъ впередъ и замахалъ краснымъ платкомъ.

Попы давно всполошились и, увидя въ рукахъ кричавшаго рабочаго импровизированное знамя, испугались за свои святыни и спѣшили подальше унесть ихъ отъ соціалистическаго знамени. Жандармы же и полиція стали кого то хватать.

Замѣтивъ это, Власовъ громко крикнулъ, пренебрегая всякой опасностью: „Да здравствуетъ Учредительное Собраніе! Долой войну!!“

— Долой войну! Долой!!—совершенно случайно сорвалось съ губъ Панаса и Отчаяннаго, но ихъ возгласы никто не разслышалъ изъ солдатъ. Всѣ они были поглощены другимъ. За то ихъ услышали рабочіе и еще съ большимъ воодушевленіемъ побѣжали за поѣздомъ, крайне медленно развивавшимъ свою быстроту, и еще громче выкрикивали:

— Да здравствуетъ Учредительное Собраніе! Долой войну!

А поѣздъ уже вылетѣлъ со станціи и полнымъ ходомъ мчался впередъ въ разстилавшуюся далеко за городомъ степь...

Прошло 10—15 минутъ, а поѣздъ все мчался впередъ, все больше отрывая солдатъ отъ тѣхъ мѣстъ, съ которыми каждый былъ связанъ невидимыми нитями родства и братства, все дальше уносилъ впередъ отъ тѣхъ, кто взывалъ къ миру всѣхъ.

— Затворяй ворота! — первымъ пришелъ въ себя Иванчукъ. — Ай, да люли! И ловко же, братаны, — мотнулъ онъ головой, стараясь запереть двери 4-го класса. — Да нажми же, чертъ, — обратился онъ къ Кузьменко, продолжавшему стоять въ позѣ человѣка, совсѣмъ растерявшагося.

— Долой войну, а! — никакъ не могъ успокоиться Отчаянный. — И молодцы же твои, — одобрительно кивнулъ онъ головой Власову. — Эхъ, чортъ побирай!

— Миръ всѣмъ, — подавшись Отчаянному, прошепталъ Панасъ. — Войну всѣмъ богатымъ и правительствамъ. Такъ и пошелъ бы къ нимъ! — совершенно забываясь безсознательно повторялъ Панасъ одну и ту же фразу. И онъ чуть не на яву бредилъ. Въ этотъ моментъ онъ забылъ даже о своей Галѣ.

— Тс, — совсѣмъ пришелъ въ себя Власовъ и сердито блеснулъ глазами, со сдвинутыми надъ ними бровями.

— Чего ты, — успокоилъ его Отчаянный, — заливается сволочь во всю ивановскую, вонъ, — понявъ его испугъ, кивнулъ онъ головой въ сторону спящаго Васильева, который успѣлъ напиться въ казармѣ и его мертвецки пьянаго привезли оттуда и свалили на нары.

— Всѣ мы братья, — хотѣлъ успокоить ихъ всѣхъ Иванчукъ, но что то промычалъ.

— Не хочу воевать, не хочу служить царю—продолжалъ рыдать Фроленко, уйдя съ головой подъ шинель и забравшись въ самый темный уголъ вагона. За послѣднее время онъ пережилъ страшный переломъ, а сегодняшній день для него былъ днемъ полнаго возрожденія и обновленія. Можно было быть увѣреннымъ, что онъ солдатомъ не останется.

— Хлѣбца далъ, — счастливо улыбался Оглобля.— Сыты будутъ... корову бы, — по ассоціаціи идей пришла ему въ голову мысль, кромѣ которой у него кажется ничего не существовало. Онъ слишкомъ былъ забитымъ и загнаннымъ вѣчной нуждой человѣкомъ, чтобы возможно было ожидать отъ него новаго настроенія. Но надо отдать ему справедливость, что послѣ той демонстраціи, свидѣтелемъ которой онъ былъ, онъ нѣсколько разъ болѣе внимательно взглянулъ на Власова и въ его умѣ смутно пробѣжала мысль, что это человѣкъ, такъже какъ и тѣ, кто кричалъ, дѣйствительно желаетъ имъ всѣмъ „добра“.

— Ну и вагоны, — искренне возмущаясь замѣтилъ Усенко, собираясь улечься на нарахъ.

— Нѣтъ, ребята, — заходило все внутри у Отчаяннаго. — Гнать на войну и ползи въ вагонъ... скотскій...

— Хорошій хозяинъ и скотину свою сюда не поставитъ. Соломы даже не дали... вотъ черти.

Оглобля внимательно осмотрѣлъ вагонъ и согласился съ этой мыслью,

— Перемерзла бы, — громко сказалъ онъ и крѣпко выругался.

— Царская служба, ничего, братъ, не подѣлаешь,— по обыкновенію угрюмо проворчалъ Пономаренко.

Никто на эти слова ничего не отвѣтилъ и въ вагонѣ какъ то само собою наступила непрерываемая въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ почти мертвая тишина. Каждый изъ солдатъ отдался своему настроенію, вызванному всѣмъ пережитымъ за послѣднее время и видѣннымъ имъ на вокзалѣ. Какъ то все, что отталкивало ихъ отъ военной службы и особенно отъ войны, приняло у каждаго изъ нихъ форму и мрачнаго озлоб-

ленія и тупого безразличія лично къ себѣ. Почти всѣ безъ исключенія были заняты собой, всѣ чувствовали, что не слѣдуетъ подчиняться начальству и идти на войну. И если они всѣ вмѣстѣ не могли поднять знамя возстанія противъ правительства, за то отдѣльныя лица изъ солдатъ могли доказать, что они способны на крайнее самопожертвованіе.

И какъ только въ вагонѣ зажгли „коптилку“, всѣ солдаты, за исключеніемъ Власова и Фроленко, отдались во власть крѣпкаго хотя и тревожнаго сна. Власовъ же и Фроленко остатокъ пути горячо о чемъ то между собою перешептывались и когда поѣздъ остановился у станціи губернскаго города и когда солдаты вышли изъ вагоновъ, чтобы перейти въ казармы, никто не замѣтилъ какъ изъ ихъ рядовъ исчезъ Фроленко. Онъ бѣжалъ со службы.

V.

Съ перваго дня своего появленія въ казармѣ, Власовъ не могъ не замѣтить того страшнаго недовольства, которое царило между солдатами, и онъ съ каждымъ днемъ все больше убѣждался, что между ними легко можно было бы поднять возстаніе, но онъ понималъ, также, что для этого нужны силы не одного человѣка и и не нѣсколько дней. Казалось, что послѣ подобнаго заключенія ему нечего было оставаться въ рядахъ солдатъ, но онъ увидѣлъ, что кое кому изъ нихъ и болѣе всего Панасу онъ можетъ оказаться полезнымъ. И дѣйствительно, между ними обоими почти съ первыхъ же дней стала завязываться съ каждымъ днемъ все растущая дружба. Этому благопріятствовало и то, что оба они были молоды, впечатлительны и нервны. Панасъ же въ этотъ моментъ своей жизни нуждался въ привязанности, и его нѣжное сердце жаждало близкаго человѣка, съ которымъ онъ могъ бы подѣлиться, своими впечатлѣніями и разсказать о своей вынужденной разлукѣ съ Галей и о рядѣ сомнѣній, захватившихъ и терзавшихъ его душу.

Власовъ очень быстро разсмотрѣлъ подъ солдатскимъ мундиромъ у Панаса чуткое сердце и непочатый уголъ здоровой неиспорченной натуры, способной легко подаваться оживляющимъ вліяніемъ. Когда же онъ подмѣтилъ, что молодой солдатъ къ тому же переживаетъ сложное настроеніе, связанное съ тѣми актами насилія, какіе онъ когда то учинилъ надъ возставшими крестьянами и рабочими, Власовъ рѣшилъ съ своей сто-

роны сдѣлать все, чтобы помочь этому милому парню разобраться въ своихъ ощущеніяхъ и выбраться на вѣрную дорогу. И Власовъ отдавалъ ему все свое время.

Панасъ же, раскрывъ свою душу, съ жадностью поглощалъ все. За короткое время онъ сталъ неузнаваемъ. Въ головѣ его даже созрѣла мысль положить какимъ нибудь образомъ свою голову за тѣхъ, на кого онъ такъ недавно шелъ „войной“ и поднять ихъ на „войну“ противъ тѣхъ, чьимъ приказаніямъ онъ до сихъ поръ такъ слѣпо подчинялся. И чувствуя, что этому можетъ помочь Власовъ, Панасъ „крѣпко“ держался за него.

Самъ Власовъ все время собирался бѣжать со службы, но при первомъ столкновеніи съ запасными, онъ рѣшилъ отложить этотъ вопросъ до переѣзда въ губернскій городъ, а теперь этому мѣшали строгости, вызванныя побѣгомъ Фроленко, а главное то, что онъ очень хорошо понималъ настроеніе Панаса, котораго оставить въ такомъ положеніи на произволъ судьбы было совершенно немыслимо. И по поводу него онъ вступилъ въ переписку со своими товарищами и ждалъ увѣдомленія о томъ, согласятся ли они взять на себя заботу о Панасѣ и смогутъ ли они пристроить его къ какому нибудь „дѣлу“. Такимъ образомъ ему приходилось тянуть время, этому же благопріятствовало и то, что отправка дивизіи на Дальній Востокъ должна была произойти не такъ скоро. Но Отчаянный однимъ своимъ поступкомъ заставилъ дѣйствовать болѣе рѣшительно.

Самъ Отчаянный со времени появленія въ казармѣ запасныхъ и особенно Власова переживалъ очень тяжелое настроеніе. Онъ замѣтилъ, что между Власовымъ и Панасомъ установились тѣсныя дружескія отношенія и самъ жаждалъ ихъ и хотя онъ Власову очень нравился, но сблизиться они не могли. Страстный по натурѣ протестантъ, онъ искренне удивлялся, почему Власовъ не ведетъ ихъ, солдатъ, въ „жаркій бой“ и, не понимая его поведенія, отдалялся отъ него. Къ тому же до болѣзненности самолюбивый онъ старался показать, что это его не трогаетъ. Онъ злился на Панаса, умышленно игнорировалъ его, а въ душѣ клялся дойти самому на „зло всѣмъ до всего“ и въ общемъ чувствовалъ себя отвратительно. Онъ сдѣлался болѣе придирчивымъ и нервно отзывчивымъ на всѣ перипетіи солдатской жизни и въ иныя минуты Власовъ еле удерживалъ его отъ того, что бы онъ не набросился и не избилъ Кабацова, доведшаго въ это время свои насилія

надъ солдатами до виртуозности. И въ одинъ изъ такихъ дней, когда Отчаянный чувствовалъ себя особенно отвратительно, произошла исторія. Кабацовъ былъ на ученіи особенно золъ, избилъ Оглоблю и Усенко, придрался за что то къ Власову, грозя отдать его подъ судъ.

Послѣ обѣда Усенко съ Оглоблей напился съ горя въ „дрызгъ“ и, чувствуя себя особенно обиженнымъ, задѣлъ Васильева, получившаго послѣ побѣга Фроленка унтеръ-офицерскіе нашивки, и сталъ съ нимъ ругаться. Васильевъ, не долго думая „смазалъ“ его по „харѣ“, а Усенко обозвалъ его шпіономъ. Васильевъ вскипѣлъ, снова „съѣздилъ“ его и избилъ бы растерявшаго Усенко, но Пономаренко, а за нимъ и весь взводъ, зашумѣлъ. Васильевъ испугался и поклялся „отомстить“ всѣмъ.

— А! ты грозишь,—появившись передъ самымъ концомъ исторіи, взревѣлъ вдругъ Отчаянный. — Будетъ шпіонить! — и послѣ этихъ словъ онъ какъ левъ набросился на Васильева, въ одинъ мигъ „сгребъ“ его и сталъ „тузить“, стараясь ударить его по болѣе больному и опасному мѣсту.

Никто не вмѣшивался. Васильевъ вообще былъ ненавидимъ всѣми, а сегодня онъ довелъ всѣхъ до такой степени возмущенія, что всѣ въ душѣ желали увидѣть его мертвымъ. Отчаянный физически былъ очень сильнымъ человѣкомъ и жизни Васильева грозила, дѣйствительно, серьезная опасность. Но его спасъ Кабацовъ, случайно оказавшійся въ ротномъ помѣщеніи.

— Мерзавецъ, ты что дѣлаешь! — закричалъ онъ и со всего размаху ударилъ по головѣ Отчаяннаго, сидѣвшаго въ это время на груди Васильева. Отчаянный вскочилъ. Блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, съ налитыми кровью глазами, онъ моментально очутился на ногахъ предъ лицомъ Кабацова. Въ этотъ моментъ онъ не помнилъ себя и дѣйствительно былъ страшенъ.

— Мерзавецъ, — угрожающе переспросилъ онъ, но Кабацовъ и вся казарма поняли, что это слово онъ относъ лично къ нему. Кабацовъ струсилъ.

— Ты что, блиновъ объѣлся, — глупо сострилъ онъ вдругъ надтреснутымъ голосомъ. Этого было достаточно, чтобы поддать Отчаянному „жару“.

— Не сбѣсился я, — прохрипѣлъ онъ, — а довольно вамъ всѣмъ „тѣшиться“ надъ нами, — и съ этими словами онъ одной рукой хватилъ Кабацова за погонъ, въ мигъ сорвалъ его, а другую поднялъ, намѣреваясь „свиснуть“. Кабацовъ бросился къ выходу.

— Бѣжишь с. с. — зарычалъ Отчаянный и бросился

за нимъ. — Все равно пропадать головушкѣ, — промелькнуло въ его головѣ и поймай онъ Кабацова, честь офицерскаго мундира была бы „поругана“ на вѣки вѣковъ, ничѣмъ не смываемымъ позоромъ.

Солдаты въ первый моментъ этого столкновенія съ офицеромъ растерялись — каждый изъ нихъ остался въ той позѣ, въ какой засталъ его этотъ инцидентъ.

Васильевъ же успѣлъ прійти въ себя и, какъ вѣрный песъ, бросился на выручку къ своему властителю Кабацову. Онъ успѣлъ схватить Отчаяннаго сзади и далъ, такимъ образомъ, Кабацову возможность скрыться.

Разъярившись еще болѣе своей неудачей, Отчаянному ничего не стоило освободиться изъ рукъ Васильева и въ моментъ смять его подъ себя. Онъ насѣлъ на его грудь и, держа его одной рукой за горло, другой сталъ наносить удары по лицу.

А солдаты все не шевелились и только тогда пришли въ себя, когда явился Федотовъ, которому Кабацовъ приказалъ посадить Отчаяннаго въ карцеръ.

— Связать, — тотчасъ же приказалъ онъ. Что вы смотрите, подлецы! Въ околодокъ,—махнулъ онъ головой на окровавленнаго и до полусмерти избитаго Васильева.

Васильева стащили въ околодокъ, а связаннаго Отчаяннаго посадили въ карцеръ и къ дверямъ его приставили Иванчука и Кузьменко.

VI.

Отчаяннаго долго душила злоба. Онъ въ бѣшенствѣ продолжалъ кричать и клясть начальство и грозилъ перебить ихъ всѣхъ. Онъ долго не могъ прійти въ себя, когда же опомнился и взвѣсилъ всѣ обстоятельства, онъ понялъ, что Кабацовъ сдѣлаетъ все, чтобы съ нимъ раздѣлаться по всѣмъ строгостямъ военнаго времени и съ этого времени сталъ считать себя человѣкомъ вполнѣ „рѣшеннымъ“.

— Пускай убьютъ, — это были первыя слова, съ которыми онъ обратился къ своему бывшему товарищу, а теперь часовому-Кузьменко и къ стоявшему рядомъ съ нимъ разводящему. — Что жъ, будетъ! Намаялся! Бить себя не дамъ, а шпіонамъ не спущу. Воевать теперь не хочу — все понимаю. Пусть свои убьютъ, чѣмъ быть убитымъ какой-нибудь буддой, — криво усмѣхнулся онъ, произнося это слово нѣсколько разъ слышанное имъ отъ того же Васильева. Не встрѣтивъ никакого отвѣта отъ своихъ часовыхъ, онъ быстро заходилъ по камерѣ.

— Чего молчите, боитесь! Вѣдь товарищи, вмѣстѣ щи хлебали,—опять остановился онъ предъ окошечкомъ.

— Жаль человѣка! — вздохнулъ первымъ Кузьменко чуть слышнымъ шепотомъ и оглянулся по сторонамъ.

— Всѣ они... эхъ! — расхрабрился разводящій, продолжавшему почему то стоять у окошечка и, пустивъ, чуть возвышая голосъ, трехъэтажную витіеватую ругань, стукнулъ прикладомъ ружья объ полъ.

— Чего родителей поминать, — съежился Кузьменко и посмотрѣлъ прямо въ глаза Отчаянному. Онъ искренне жалѣлъ его, видѣлъ въ немъ человѣка, страдавшаго теперь за правду „злую матку“ и въ немъ шевельнулись новыя чувства. Отчаянный понялъ его и посмотрѣлъ на него какимъ то особеннымъ образомъ и сердце Кузьменко болѣзнено сжалось.

— Вѣрно,—проговорилъ онъ—А помирать я не боюсь.

— Чего тамъ,—нервничалъ Кузьменко. — Помирать не стоитъ, — что онъ хотѣлъ сказать этими словами, онъ самъ хорошо этого не зналъ, но въ душѣ его поднялась буря противъ подобной возможности. Онъ еще не понималъ себя, и понялъ лишь впослѣдствіи, когда Кабацовъ явился полюбоваться на своего врага.

Кабацовъ уже успѣлъ подать раппортъ о всемъ случившемся и, обуреваемый жаждой личнаго мщенія и глумленія, очутился предъ связаннымъ Отчаяннымъ. Зная, что Отчаянный связанъ, Кабацовъ смѣло вошелъ въ камеру и, ни слова не говоря, нанесъ ударъ по лицу Отчаяннаго, который отвѣтилъ ударомъ ноги.

— Убью, — захрипѣлъ Кабацовъ.

Отчаянный сталъ въ оборонительную позу, но со связанными руками онъ не могъ устоять противъ Кабацова и послѣ нѣсколькихъ ударовъ свалился. Кабацовъ сталъ теперь „тѣшиться“, Отчаянный же кричать и браниться.

Произошла возмутительная сцена. Одинъ билъ, другой кричалъ не столько отъ боли, сколько отъ злости, а два другіе стояли на часахъ и, не шевеля ни однимъ мускуломъ, созерцали подобную сцену.

Натѣшившись, Кабацовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, удалился. Исчезъ и разводящій, а Кузьменко остался на мѣстѣ у дверей. И минутъ черезъ десять, Отчаянный, не смотря на страшные побои, заходилъ по камерѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Казалось, все этимъ кончилось и Отчаянный все таки долженъ былъ бы понесть заслуженное наказаніе, но Кузьменко оказался человѣкомъ способнымъ и негодовать и протестовать.

— Разбойникъ, душегубъ, — зашепталъ онъ въ око-

шечко. — Ишь, какъ бьетъ лежачаго человѣка, а!—сочувственно кончилъ онъ и приподнялъ къ чему то ружье.

— На это они молодцы, — отвѣтилъ Отчаянный, — ихъ дѣло лежачихъ бить!

— Бѣги, — проговорилъ Кузьменко и самъ испугался своего предложенія. На минуту Отчаянный растерялся и смотрѣлъ недоумѣвающими глазами.

— Бѣги,—снова повторилъ Кузьменко, окончательно рѣшивъ не отступать отъ своего предложенія.

— А ты какъ! Поди разтсрѣляютъ, военное время!— Отчаянный какъ будто хотѣлъ образумить Кузьменко, но въ душѣ боялся, какъ бы Кузьменко не отказался отъ своего предложенія.

— И я съ тобой, — проговорилъ онъ рѣшительнымъ и безповоротнымъ тономъ и какая то сила засквозила въ этомъ миломъ парнѣ. Кузьменко самъ себя не узналъ, но иначе онъ поступить не могъ. Странный это былъ человѣкъ. Его какъ будто ничто не трогало, но слова Власова, рѣчи запасныхъ, сцены на вокзалѣ—все это оказало на него очень сильное вліяніе и нуженъ былъ только подходящій моментъ, чтобы все, пережитое и выстраданное имъ за послѣднее время, сразу отлилось бы въ новыя формы. Такой моментъ именно теперь и наступилъ.

Къ вечеру же стало извѣстно, что Отчаяннаго будутъ судить по законамъ военнаго времени и между солдатами распространилась молва, что его разстрѣляютъ...

Послѣ полуночи Кузьменко опять оказался на часахъ.

— Разстрѣляютъ человѣка, а! — всматриваясь въ полутемноту карцера раздумывалъ Кузьменко. — Братику! а братику, — зашепталъ онъ, увидя на нарахъ фигуру спящаго Отчаяннаго.—Разстрѣляютъ человѣка... за правду... живъ человѣкъ, — горевалъ онъ. — Братику! Яша!

Отчаянный вскочилъ. Онъ самъ поджидалъ Кузьменко, почувствовавъ къ нему за время первыхъ его постовыхъ часовъ особаго рода расположеніе и дружбу. Лично онъ не особенно серьезно отнесся къ предложенію Кузьменко бѣжать и почти не раздумывалъ объ этомъ. И, подходя теперь къ окошечку, онъ просто хотѣлъ въ послѣдній разъ поговорить по „душамъ“ съ „душевнымъ“ человѣкомъ.

— Дмитро, ты? — разглядывалъ онъ Кузьменко.

— Яша! — пронесся болѣзненный стонъ.

— Не кисни, чего тамъ... завтра судбище, гмъ!.. какъ кончишь походъ, скажи старухѣ...—онъ хотѣлъ пере-

дать черезъ своего односельчанина что нибудь своей матери, но прервалъ себя. — Эхъ, горе... и ревѣла же она тогда, — намекая на вокзалъ, вздохнулъ Отчаянный, — совсѣмъ стара... не довелось...

— Всѣ ревѣли, — вздохнулъ Кузьменко. — Бѣги,— круто мѣняя разговоръ, энергично бросилъ онъ. — Все готово, спѣши!

Братику, — сдавленнымъ отъ волненія голосомъ отвѣтилъ теперь Отчаянный.

— Не кисни, — осталось въ головѣ Кузьменко слово Отчаяннаго же. — Спѣши, намаялись!..

И когда разводящій пришелъ съ часовымъ смѣнить Кузьменко, ни его, ни Отчаяннаго не оказалось. Оба они скрылись.

Но несчастному Отчаянному не долго удалось погулять на свободѣ. Къ вечеру того же дня его арестовали, а на другой день его судили и приговорили за оскорбленія, нанесенныя офицеру, за избіеніе взводнаго унтеръ-офицера, за побѣгъ и за „соблазнъ“ часового, къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Судъ и не думалъ ходатайствовать о „помилованіи“ можетъ быть по той простой причинѣ, что Отчаянный во время „судбища“ остался вѣренъ себѣ, оскорбивъ всѣхъ судей. И на пятый день послѣ перваго инцидента полкъ стоялъ на плацу и ожидалъ когда выведутъ приговореннаго къ смертной казни Отчаяннаго.

Полковой командиръ для назиданія и на „страхъ врагамъ“ рѣшилъ исполненіе приговора привести въ присутствіи всего полка, а для большаго нравоученія первый взводъ, въ которомъ числился Отчаянный, долженъ былъ явиться палачемъ. И первый взводъ первой же роты подъ командой самаго Кабацова стоялъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ столба, предъ которымъ была вырыта могила и къ которому былъ привязанъ Отчаянный.

Когда „все“ было готово, Кабацовъ повернулся къ своему взводу, чтобы отдать команду для стрѣльбы по живой цѣлѣ, какъ солдаты услышали, что Отчаянный кричитъ.

— За правду матку умираю! Не поминайте лихомъ! Поклонитесь моей старушкѣ и деревнѣ, — явственно донесся до ихъ ушей предсмертный вопль убиваемаго ими брата солдата.

— Цѣлься! Пли! — раздалась въ это же самое время одна за другой три раза команда Кабацова, который спѣшилъ скорѣе покончить съ „преступникомъ“, осмѣлившимся еще что то выкрикивать.

Къ чести солдатъ они всѣ три раза сознательно промахнулись, хотя и сдѣлано это было безъ всякаго предварительно уговора. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не спускали курка, а другіе хотя и пустили пули, но знали, что онѣ полетятъ по „бѣлому свѣту“.

Взбѣшенный промахами, Кобацовъ самъ пошелъ на врага и, приблизившись на разстояніе револьвернаго выстрѣла, остановился и сталъ цѣлиться.

А Отчаянный послѣ перваго залпа пересталъ кричать и ждалъ смерти. Онъ слышалъ, какъ пули со свистомъ пролетѣли около него и, не отдавая себѣ хорошенько отчета, живъ ли онъ еще и что съ нимъ будетъ дальше, понимая только, что солдаты сдѣлали промахъ, онъ вдругъ ясно понялъ, что вся его жизнь прошла даромъ. И ему сдѣлалось крайне обидно за себя. Но черезъ какую нибудь минуту его сердце забилось живою радостью. Въ умѣ промелькнули рабочіе, которые бѣжали за поѣздомъ и кричали. И ему захотѣлось на прощаніе прокричать ихъ возгласы, но онъ сразу не могъ ихъ возстановить. И стараясь это вспомнить, онъ почувствовалъ вновь приливъ мужества и бодрости, которыя было начали его покидать.

Полкъ же продолжалъ стоять, боясь шелохнуться. Солдаты видѣли, что на ихъ глазахъ каждую минуту должно будетъ совершиться ужасное преступленіе, но дисциплина сумѣла придать ихъ лицамъ безстрастность и выраженіе полной подчиненности, и они оставались наружно покорны. Но подъ этимъ внѣшнимъ безразличіемъ чувствовалось, что-то зловѣщее; казалось, что каждый изъ нихъ ждалъ какого нибудь смѣльчака, который долженъ былъ бы сдѣлать только первый шагъ.

Между тѣмъ Кабацовъ приблизился на револьверный выстрѣлъ и, поднявъ руку, сталъ цѣлиться.

— Долой войну! Да здравствуетъ миръ всѣхъ народовъ, — вдругъ вспомнилъ Отчаянный тотъ крикъ, который вырвался тогда такъ случайно изъ его груди и которымъ онъ выразилъ, самъ того не понимая, свою солидарность съ рабочими.

Но не успѣли слова этого возгласа замереть еще въ воздухѣ, какъ раздался выстрѣлъ Кабацова, которымъ онъ и былъ раненъ. Рана оказалась легкой и Отчаянный собрался выкрикнуть тотъ возгласъ, съ которымъ Власовъ обратился къ рабочимъ, но этотъ возгласъ — „да здравствуетъ Учредительное Собраніе“ — онъ или не могъ вспомнить или не успѣлъ его произнесть, но послѣ второго выстрѣла онъ оказался безжизненнымъ трупомъ.

VII.

Весь этотъ полный трагизма инцидентъ прошелъ съ головокружительной быстротой, всѣ чувствовали себя разбитыми и подавленными, всѣ притихли и избѣгали другъ друга. Притихъ даже и неугомонный Усенко. Панасъ же за эти дни ни словомъ не перекинулся съ Власовымъ. Оба были угрюмы и молчаливы.

Панасу пришлось быть на казни. Онъ мучительно долго ломалъ голову, какъ ему быть съ вопросомъ о назначеніи его взвода въ палачи и въ послѣднюю ночь предъ казнью твердо рѣшилъ прямо заявить о своемъ нежеланіи итти и стрѣлять въ своего же брата солдата, да еще такого близкаго ему человѣка, какимъ былъ Отчаянный. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ заговорить по этому поводу съ Власовымъ но, замѣтивъ, что онъ самъ переживаетъ крайне тяжелое настроеніе и избѣгаетъ разговоровъ, вообразилъ себѣ, что и Власовъ тоже поступитъ такъ, какъ рѣшилъ онъ. И честный парень думалъ, что заявленіе объ отказѣ стрѣлять со стороны Власова произойдетъ утромъ въ присутствіи полка и онъ замечталъ о томъ, какъ и онъ присоединитъ свой голосъ къ этому протесту. Думая объ этомъ, онъ рисовалъ картину тѣхъ страданій, какимъ онъ будетъ подвергнутъ и какъ онъ все это вынесетъ.

Но утро ничего ему не принесло. Власовъ былъ болѣе покоенъ чѣмъ когда либо и даже, какъ показалось Панасу, веселъ. Это окончательно сбило его съ толку и онъ рѣшилъ обратиться къ нему съ вопросами, но Власова внезапно увели въ ротную канцелярію, откуда онъ до глубокаго вечера не являлся. Панасъ на нѣсколько минутъ растерялся, но въ концѣ концовъ рѣшилъ сунуться къ своему отдѣленному начальнику съ заявленіемъ. Тотъ сразу не то не понялъ его, не то не разслышалъ, но случайно при этомъ присутствовавшій Пономаренко съ первыхъ словъ понялъ, что хочетъ сказать Панасъ и вмѣшался въ это.

— Брось, дурья голова!—вразумительно заговорилъ онъ, успѣвъ отвести Панаса въ сторону. — Зачѣмъ задарма отдаваться въ руки вражьему стану! Не будемъ стрѣлять и шабашъ, а тамъ...—и глаза его сверкнули такой зловѣщей угрозой, что Панасъ вздрогнулъ и отшатнулся отъ этого вѣчно угрюмаго человѣка. — Не бойсь, — замѣтивъ какое впечатлѣніе произвели его слова на Панаса, мрачно продолжалъ Пономаренко. —

Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ, будетъ... и тогда то мы, братъ, пострѣляемъ, — рѣшительно замолчалъ Пономаренко и отвернулся.

Панасъ былъ раздавленъ. И какъ подобное мнѣніе не вязалось съ его, но онъ понялъ, что Пономаренко дѣйствительно говоритъ дѣло и что не стоитъ отдаваться въ руки врагамъ даромъ. И онъ пошелъ на казнь, но не только не стрѣлялъ, но и не спускалъ курка.

Власовъ же въ первый моментъ инцидента рѣшилъ тотчасъ же скрыться, но послѣ того какъ это успѣли продѣлать Отчаянный и Кузьменко, начались такіе строгости, что надо было выждать нѣсколько дней. Когда же онъ узналъ, что и ему предстоитъ идти со взводомъ на убійство Отчаяннаго, то уже не раздумывалъ надъ тѣмъ, что дѣлать. Онъ зналъ, что стоитъ ему заявить предъ фронтомъ протестъ противъ подобнаго глумленія и въ ротѣ не только не нашлось бы замѣстителя его, но много было бы шансовъ на то, что она вся какъ одинъ человѣкъ, присоединится къ нему, и даже, можно было надѣяться, что она направитъ свои выстрѣлы и штыки противъ тѣхъ, кто вздумалъ бы ее къ этому принуждать. И отъ такого ожиданія Власову дѣйствительно было весело и, раздумывая о предстоящемъ протестѣ, онъ не замѣчалъ Панаса. Но на казни ему не пришлось быть и этому помѣшалъ Федотовъ.

Умный и добрый старикъ понималъ, что такой человѣкъ, какъ Власовъ, можетъ сдѣлать что нибудь во время казни и рѣшилъ задержать его, придумавъ какіе то письменныя работы въ ротной канцеляріи.

Самъ Федотовъ теперь далеко не былъ тѣмъ, какимъ являлся за время своей долголѣтней службы. Слишкомъ много обнаружилось фактовъ за послѣдніе дни въ обстановкѣ солдатской жизни, чтобы можно было остаться глухимъ къ тому, что они говорили, слишкомъ рѣзко бросалось въ глаза полное несоотвѣтствіе между тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ являться солдатъ и чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ.

На это новое настроеніе оказало вліяніе, какъ это ни странно, исторія съ Отчаяннымъ. Федотовъ никакъ не могъ понять того, какъ можно превратить солдатъ въ палачей въ такой „святой“ моментъ, какъ предстоящая война съ Японіей, и старикъ думалъ, что возвышенность чувства, въ какомъ онъ самъ находился, вызоветъ въ офицерствѣ отвращеніе къ казни и Отчаянному будетъ дарована жизнь. Но за нѣсколько часовъ до казни онъ узналъ, что надѣяться на это нельзя и почувствовалъ

себя задѣтымъ за самое лучшее солдатское чувство. Почувствовавъ же отвращеніе къ роли палача, онъ невольно началъ себя спрашивать, да не оказывался ли онъ палачемъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда шелъ „войною“ на безоружныхъ людей и разстрѣливалъ ихъ, но не будучи способнымъ разрѣшить этотъ простой вопросъ, рѣшилъ не показываться на казни и не пустилъ туда, какъ извѣстно, и Власова.

Власовъ же за день, проведенный имъ въ канцеляріи, окончательно рѣшилъ бѣжать и не откладывать дѣла ни на одинъ день. Задумался онъ было надъ вопросомъ о судьбѣ Панаса, но переговоры, которые онъ велъ относительно него, не привели ни къ чему и приходилось съ нимъ разстаться. Рѣшилъ онъ скрыться не для собственнаго удовольствія, а для того, чтобы вступить въ организацію и начать агитировать въ войскѣ какъ по поводу войны, такъ и по поводу всей правительственной политики въ населеніи и связать себя съ Панасомъ значило создать для себя кучу неожиданностей. Но это рѣшеніе предъ самымъ побѣгомъ ему пришлось круто перемѣнить.

Дѣло происходило въ первую же ночь послѣ казни. Вся казарма, находясь подъ впечатлѣніемъ этого дня, была въ высшей степени удручена и всѣ солдаты послѣ повѣрки поспѣшили улечься спать. Не нашлось никого кто пытался бы затѣять какой нибудь разговоръ по поводу видѣннаго. Каждый старался забыться, а кто могъ, спѣшилъ „накачаться“ до потери сознанія. И казарма включительно до дневальнаго скоро спала вся, какъ одинъ человѣкъ. Не спалъ одинъ Панасъ, который ждалъ Власова.

Изъ канцеляріи Власовъ пришелъ довольно поздно и, удивившись, что Панасъ не спитъ, улегся на свое мѣсто, которое было рядомъ съ нимъ. Прошло минутъ 20 общаго молчанья и подъ конецъ каждый былъ увѣренъ, что другой спитъ. Но вдругъ Панасъ поднялся и сталъ всматриваться въ лицо Власова, который поспѣшилъ почему то закрыть глаза, но, чувствуя на себѣ упорный взглядъ Панаса, чуть пріоткрылъ ихъ.

— Ты спишь, — разслышалъ онъ наконецъ чуть слышный шепотъ губъ.

— Нѣтъ, — черезъ какую нибудь минуту отвѣтилъ Власовъ и тотчасъ же закрылъ глаза. Но за это время онъ успѣлъ разсмотрѣть блѣдное искаженное страданіемъ лицо Панаса, поддерживающаго голову ладонью

руки, съ широко открытыми глазами, особеннымъ блескомъ сверкающими въ полутемнотѣ казармы.

— Нѣтъ, — переспросилъ Панасъ и глубоко вздохнулъ. Власовъ не выдержалъ и повернулся лицомъ къ своему другу.

— На войну пошли, а! — вдругъ зашепталъ Панасъ, съ еще болѣе заблиставшимъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ, ставшими еще большими. — Нѣтъ, будетъ! больше я не солдатъ, — и лицо его преобразилось счастливымъ выраженіемъ.

Власовъ молчалъ и съ удивленіемъ наблюдалъ за Панасомъ. Онъ не могъ дать себѣ отчета, что происходитъ съ парнемъ, но видѣлъ, что съ нимъ дѣлается что то серьезное и важное.

— Ты бѣжишь, — какъ бы боясь разбудить полутемноту казармы продолжалъ чуть слышнымъ голосомъ шептать Панасъ, приподымая и приближая свое лицо къ самому лицу Власова.

Власовъ вздрогнулъ и черезъ секунду мотнулъ головой въ знакъ подтвержденія.

— Идешь на войну, — отдѣляя каждое слово и подчеркивая послѣднее, грустно вздохнулъ Панасъ.

Власовъ совсѣмъ поднялся и усѣлся, за нимъ поднялся и Панасъ.

— Вмѣстѣ пойдемъ. Тамъ настоящая война,—энергично мотнулъ онъ головой по направленію къ темной ночи. Власовъ снова вздрогнулъ и ждалъ, не совсѣмъ понимая Панаса.

— На какую войну, — съ замирающимъ сердцемъ зашепталъ наконецъ Власовъ, такъ и не дождавшись ожидаемыхъ разъясненій со стороны самого Панаса и стараясь увѣрить себя, что онъ не такъ понимаетъ его. А Панасъ сидѣлъ и, закрывъ лицо руками, глубоко задумался. Но черезъ нѣсколько секундъ онъ открылъ лицо и, вздохнувъ всей грудью, наклонился почти къ самому уху Власова.

— Свѣтъ великъ! Самъ сказывалъ, что вездѣ нужны люди для борьбы... за счастье всѣхъ, — прерывая самъ себя, кончалъ онъ фразою, часто слышанной имъ отъ самаго же Власова, — а я буду хорошимъ солдатомъ, увидишь... не ошибетесь, — и онъ криво усмѣхнулся и сдержалъ вздохъ, вылетавшій изъ его груди.

Для Власова сразу стало все ясно. Онъ понялъ, въ какомъ смыслѣ Панасъ употребилъ слово „солдатъ“, „войну“, понялъ, что Панасъ пережилъ за послѣдніе

дни страшную драму и что онъ теперь дѣйствительно братъ его по „оружію“ и онъ схватилъ его за руку.

— Возьмешь, да? Не оставишь, — боясь не понять это движеніе, растерянно вдругъ простоналъ Панасъ, замѣтно вздрагивая нервною дрожью.

Власовъ всей грудью повернулся къ Панасу и вмѣсто словъ, самъ не отдавая себѣ отчета, схватилъ его руку и крѣпко ее сжалъ.

— Одѣвайся, — еще крѣпче пожимая ее, однимъ движеніемъ губъ, сказалъ онъ. — Ты нашъ товарищъ! — шепнулъ онъ ему на ухо. — Одѣвайся, — повторилъ онъ, видя, что Панасъ не шевелится, а съ недоумѣніемъ смотритъ, растерявшись отъ охватившаго его вдругъ счастья и не знаетъ, какъ принять его предложеніе.

— Бѣжимъ вмѣстѣ... туда, — старался Власовъ вывести Панаса изъ сосредоточенности и повторилъ движеніе его, указывая на темную ночь. Панасъ очнулся.

— Скорѣе, — торопилъ его Власовъ и сталъ осторожно одѣваться.

— На войну, — вдругъ засуетился Панасъ, — на войну, — повторилъ онъ, берясь не за ту вещь, какую слѣдовало одѣть. — На войну!

— Не горячись... успокойся! Смотри... попадемъ, — чувствуя приливъ нѣжности къ Панасу, слѣдилъ за нимъ Власовъ.

— На войну!—отворяя двери казармы, чуть не крикнулъ Панасъ. — На войну! — не утерпѣлъ таки и крикнулъ Панасъ, скрываясь вмѣстѣ съ Власовымъ въ ночной тишинѣ.